

В лапах Ирбиса

Автор:

[Елена Ласк](#)

В лапах Ирбиса

Елена Ласк

Мне снилась боль, разливающаяся по всему телу. Тёмная раскалённая комната, удушающая запахом крови. Тишина, в которой малейший звук становится жутко громким, звенящим или шипящим в черепной коробке. Тяжёлое твёрдое тело, которое двигается на мне. Кажется слышно, как внутри всё рвётся, как стекают последние секунды жизни каплями его пота с моей кожи. Всё, чего я желаю – отключиться и больше никогда ничего не чувствовать. Он нарушает молчание, обещая, что будет продолжать пока я не сдохну и держит слово. Этот сон всегда заканчивается одинаково: он меня целует, наполняя моё ледяное тело своим раскалённым дыханием. 18+. История не лайтовая.

Продолжение под названием "В руках Ирбиса".

Содержит нецензурную брань.

Елена Ласк

В лапах Ирбиса

Глава 1

Ещё одна весна заканчивается. Сколько прошло? Скоро два года, которые отправились в мусорную корзину моей жизни. Рано или поздно она переполнится и на этот случай у меня нет плана. Зато есть план на завтра. Вышла из подсобия больницы, в которой я работаю, вдохнула вкусный весенний воздух, следующая смена у меня послезавтра, а значит успею выспаться, искупаюсь в озере, а остаток дня буду штудировать...

– Белый, держись! – Глухой голос доносится из покорёженного чёрного внедорожника, резко затормозившего почти у самого входа в больницу. Слова больше похожи на приказ, чем на поддержку.

Пыль моментально взвилась в воздух. Подышала называется. Спокойно отошла в сторону, чтобы не мешать и не привлекать внимание. Двое крепких мужиков вытаскивают ещё одного с заднего сиденья машины, в то время как четвёртый, резко распахнув дверь со стороны водителя, рванул в здание. Не местные. За год я со всеми здесь познакомилась, даже с теми, кто просто приезжает погостить к родне, посёлок небольшой. Появление этих чужаков станет настоящим событием, которое будут обсуждать лет пять. Последним главным событием был мой приезд. Я здесь год, а меня до сих пор спрашивают, как я обустроилась, и активно информируют что и где можно достать, и у кого что попросить. Иногда даже знакомят с теми, с кем уже неоднократно знакомили. В общем первый день в этом посёлке превратился для меня в день сурка. А здесь такие кадры, да ещё и так эффектно появились. Один их внешний вид впечатляет. Комплекция у всех как у гладиаторов, да и вид такой, будто только что в клетке со львами побывали: на одежде кровь и грязь, на коже раны, синяки и ссадины. Но не это всё притягивает моё внимание, а раны пострадавшего. Нежилец. И не потому, что ранения серьёзные, а потому, что местный врач, Сергей Алексеевич, с говорящим прозвищем Этил, набухался ещё час назад, я лично наблюдала, как он разбавлял себе спирт в неправильных пропорциях. Его самого впору откачивать. Каждый раз поражаюсь, как он до сих пор жив, потому что градус с момента моего трудоустройства в это заведение повысился почти в два раза. Но даже если бы он был трезвым толку от него всё равно никакого. Этил ни скальпель, ни иглу в руках держать не может со своим хроническим тремором, а здесь сильное кровотечение, срочно нужно зашивать и переливание делать. Скорая сюда не доедет, дороги размыты, а в некоторых местах затоплены. Дожди лили, не переставая, целую неделю и закончились только позавчера, сменившись аномальной жарой. Как только приезжие исчезли за дверями больницы, тут же подъехала ещё одна машина, похожая на металлолом, из которой двое парней, одетых в подобие маскировочных костюмов, ломанулись в здание за моей спиной, через несколько мгновений

шума и криков вернувшись с носилками, на которые осторожно переложили ещё одного пострадавшего. Здесь уже черепно-мозговая и всё хреново, помощь нужна срочно. За дверями повторились крики и мат. Нельзя мне в это вмешиваться, уходить надо, пока они не очухались и не вспомнили, что я тут стою. Лучше перестраховаться – целее буду. Не похожи они на охотников или жертв случайной аварии. Как минимум у двоих заметила тюремные наколки, а ещё оружие, которое они даже не пытались скрыть. Обе машины изрешечены пулевыми отверстиями, очень надеюсь нанесёнными не сотрудниками правопорядка, потому что если ещё и они сюда наведаются, то точно спокойной жизни конец. Вдохнула как можно глубже.

Я клятву давала.

Вернулась внутрь. Ненавижу эту больницу, и не потому, что здесь пахнет лекарствами, а потому, что ими здесь не пахнет. Немногочисленный персонал согнали в коридор. Вечером остаются дежурный врач, медсестра и санитарка. Сегодня смена Этила, Машки и Киры Родионовны. Из пациентов здесь лежат двое с отравлением палёной водкой и один хронический язвенник. Незнакомцы профессионально рассредоточились по небольшому коридору, внимательно следя за обстановкой. Пострадавших уложили на каталки. Окинула их ещё раз взглядом, оценивая возможные варианты. Подошла к мужчине с кровотечением пока его друзья, или кто они там ему, наводили шорох, грозя всех порешить и камня на камне не оставить, если им не помогут. Отвела его руку от ранения, которое он зажал, загнула край чёрной футболки пропитанной кровью. Огнестрел. Две раны рядом: одна навывлет, а вот во второй пуля внутри застряла. Пропальпировала место ранения, отчего он застонал, но глаза так и не открыл. Знаю, больно, но мне нужно понять причину кровотечения. Мускулатура у мужика хорошо развита велика вероятность, что внутренние органы не задеты, возможно просто большая кровопотеря, и если его быстро залатать, и кровь перелить...

– Ты что делаешь? – Раздалось на весь коридор, и ко мне подлетели сразу двое вооружённых парней. Им бы тоже помощь не помешала, их рваные раны нужно обработать, осколки вытащить, продезинфицировать и зашить. Посмотрела на них равнодушным взглядом, который перевела им за спины, наблюдая как из кабинета врача волокут пьяного Сергея Алексеевича. Надо же, им удалось привести его в сознание, неплохо. Только сомневаюсь, что дуло пистолета, приставленного к виску, способно восполнить пробелы его знаний в области медицины, хорошо он сечёт только в гинекологии и акушерстве, даже пьяным

может принять самые тяжёлые роды.

Пока парни отвлеклись на бесплодные попытки протрезвить врача, больше похожего на мешок опилок, чем на человека, подошла ко второму пострадавшему. Парень, молодой совсем. Потрогала пульс, проверила реакцию зрачков, фонарик у меня всегда с собой в сумке, осмотрела рану на голове, кость вдавлена в мозг, но шанс есть.

– Отошла от него! – Это уже другой голос, первый, что я услышала во всём этом бедламе. До дрожи спокойный и ровный. Наверно правильно было бы сделать вид, что я впечатлилась и испугалась. В это можно было бы поиграть, если бы не ситуация, в которой каждая секунда бесценна. Обернулась, выпрямила спину, выровняла дыхание, собрала остатки самообладания в кулак. Необходимо, чтобы он воспринял меня всерьёз, захотел говорить и слышать, а самое главное нельзя показаться слабой. Весь в крови и ссадинах, напряжён, ноздри раздуваются, палец курок поглаживает. Оказавшись рядом, первое, что этот высоченный мужик в характерных татуах, попытался сделать, это схватить меня за руку, но я отшатнулась на шаг назад. Вот и первый прокол, рефлекторно выдала свою слабость. Сконцентрировалась на его взгляде, пробирающем похлеще спирта, и пошла в атаку.

– Их срочно нужно оперировать. – Не самое лучшее начало разговора, это и без меня известно, но сейчас именно это самое главное. Всё его внимание и мысли нужно сконцентрировать на важности состояния его друзей. Скорее всего друзей, потому что, стоя рядом, вижу, как он напряжён, чувствую его переживание. Он уже осознал, что в этом здании необходимую помощь оказать не смогут, максимум на что сейчас способен Этил, это залить раны зелёной.

– Ты врач? – Посмотрел на меня с прищуром своими карими, почти чёрными глазами, в которых засверкал проблеск надежды. Внимание стало пристальнее, по его лицу скользнуло сомнение.

Нет. Не врач. Даже внешне на врача не тяну: в свои двадцать два выгляжу как малолетка. И знания у меня в основном теоретические. Но ему это знать ни к чему. Застопорилась на этом вопросе, не зная, как правильно ответить, а ответить нужно так, чтобы мне позволили оперировать. Нужно сделать то, что я зареклась больше никогда не делать – врать, и врать как можно убедительнее. От этого зависят как минимум две жизни. К горлу подкатил ком, дышать стало труднее. Татуированный считывал каждое моё движение, возможно даже

наблюдал за реакцией зрачков и пульсом на сонной артерии, и выражение его лица менялось от понимания, что мой ответ ему совсем не понравится.

– Она санитарка. – Послышался визгливый голос Машки, редкой твари, местной медсестры ухажёров которой вечно так и тянет подкатить ко мне, хотя я малейшего повода не даю. Из-за этого Машка записала меня в свои враги. Ну или из-за того, что я постоянно поправляю её ляпы в медицинских терминах. Да и уколы я делаю лучше. В посёлке все это знают, поэтому, когда нужно поставить капельницу или сделать укол на дому, зовут меня, а раньше за неимением вариантов просили Машку, потому что кроме неё в городе из способных попасть в вену ещё только Этил, если трезвый, ну и её сменщица Зоя Филипповна, которой уже за семьдесят и передвигается она крайне медленно и не дальше пятисот метров, именно такое расстояние от её дома до работы между которыми удачно располагается магазин. А я в любую вену попаду. Бизнес Машке изрядно подпортила ещё и тем, что помогала в основном бесплатно, если сильно настаивали брала символическую плату или продукты, не положено в этих местах не отблагодарить, а не принять благодарность практически преступление. Теперь Машка использует малейший шанс навредить мне, как сейчас. Нашла время. А я и не подозревала, что она настолько меня ненавидит, что на растерзание готова отдать. Интересный способ избавиться от меня выбрала эта рыжая химоза, ещё и ухмыляется дура. Если она думает, что её спасут большие сиськи, если товарищи незнакомцев окочурятся, то она ещё тупее, чем я предполагала.

Её комментарий по поводу моей должности в этом заведении оставил меня равнодушной, а вот татуированный моментально переменялся в лице. Он и так был напряжён и будто сдерживался, чтобы всех здесь не перестрелять, а теперь у него появился повод, потому что надежда, в которую он собирался вгрызться рассыпалась. Пока он решал, скорее всего как меня убить, старалась не потерять установившийся между нами зрительный контакт, оставаться спокойной и не думать, как жалко я выгляжу со стороны.

– Во врача решила поиграть, с-с-санитарка. – Рассвирепел мой собеседник, снова предприняв попытку схватить за руку, но я снова попятилась. Умением увертываться я овладела в совершенстве. Всё ещё можно исправить, если никто меня не тронет, иначе всё рассыплется прахом. Татуированный понял, что бежать я никуда не собираюсь и отстранился на большее расстояние, изучая мою реакцию, щёлкая предохранителем пистолета. Его люди застыли в ожидании чем закончится наш диалог. Почувствовала, что тишина приобретает

оттенок смерти. Его товарищ с пулевыми стал дышать слабее. Я поняла, что надо что-то говорить, иначе пристрелит и его друзьям точно конец, никто им здесь больше не поможет. Осталось это донести до него.

– Я не могу обещать, что они выживут, но даю гарантию, что они продержатся до приезда врачей. У вас больше нет вариантов, кроме как довериться мне. И времени нет. Я могу начать сыпать медицинскими терминами, но вы никак не проверите мои знания в области медицины. Одному вашему другу нужно срочно зашить рану и сделать переливание, времени у него осталось минут двадцать от силы, а второму... – Перевела взгляд на парня, здесь ничего обещать не могу. Даже если очень постараюсь, без нужных инструментов и оборудования шансы на благоприятный исход пятьдесят на пятьдесят. Здесь даже должного обследования не провести, неизвестно, какие ещё у него травмы. Но до утра я его точно дотяну, возможно к этому моменту татуированный позволит уйти персоналу и пациентам, только сама уже не выпутаюсь.

– Продолжай. – Настойчиво давил мой собеседник.

– У него повреждение головного мозга, нужна операция. Врачи из города доберутся сюда к утру, минимум часов за шесть, которых у него нет. С каждой минутой шанс умереть или остаться овощем для него увеличивается. Операция на мозге в подобных условиях как здесь опасна, но так у него будет шанс. – Коридор больницы наполнился мёртвой тишиной. Я вперила уверенный взгляд на татуированного и даже не дрогнула, когда он в очередной раз щёлкнул предохранителем.

– Я думаю, ты осознаёшь последствия своего дерзкого обещания. Делай.

Глава 2

Я вышла из душного помещения на воздух. Рассвет. Осознание, что получилось сделать всё как надо и даже лучше, плавно растекается внутри. В теле приятный адреналиновый отходняк. Впервые за два последних года чувствую, что всё так, как надо, так, как должно было быть, так, как думала никогда уже не будет. Невероятное ощущение. Будто крест, который я на себе поставила, стал невесомым на эту ночь. Сейчас, когда всё позади, хочу как можно дольше

пробыть в этом состоянии, запомнить его, чтобы в будущем, когда будет совсем паршиво, цепляться за его отголоски, чтобы окончательно сойти с ума и больше не мучиться.

Страшно осознавать, что я в себе не усомнилась ни на секунду. Выбрала самую оптимальную последовательность действий, продумала каждое движение и возможные проблемы, заранее нашла решение каждой из них. Всегда нужно принимать в расчёт непредвиденные обстоятельства, которых этой ночью не было. Давно я не была собранной на все сто процентов. На несколько часов я снова стала собой, девушкой, которой была два года назад. Оказывается, оперируя, я отключаюсь от лишних эмоций, концентрируюсь на своей цели, и этому стремлению ничего не страшно, ни прошлое, ни вооружённый человек за спиной. Всё это не важно, пока от моего состояния зависит чья-то жизнь.

Я провела свою первую самостоятельную операцию. Жаль не сбылась мечта произнести коронную фразу «Операция прошла успешно», она казалась неуместной в сложившихся обстоятельствах, когда больница практически захвачена вооружёнными людьми и ты не знаешь, как всё сложится, как они поведут себя, если ты не справишься, не выполнишь данное обещание. Я осознавала, что возможно от меня зависит больше, чем две жизни и, по сути, рисковала не только собой в случае неблагоприятного исхода. Мой профессионализм и капелька везения сделали своё дело, а ещё помощь татуированного.

Оказалось, достаточно одного приказа этого человека и его люди делали всё, что я просила: помогли перевезти пострадавших в операционную и привели Машку, которую я напрягла принести необходимые медикаменты и инструменты. В какой-то момент подумала, что попроси их отдать часть своей печени или почку, каждый без колебаний ляжет под нож. К их счастью всё обошлось малой кровью и только одного из них. Первым делом остановила кровотечение у Белого. Я оказалась права – внутренние органы не были задеты. Повезло, что кровь для переливания без проблем нашла, среди приезжих у Белого был брат с такой же группой, а называли его Серый, я мысленно обозвала их братьями Гэндальфами. Проинструктировав Серого что делать в конце переливания, под пристальным надзором татуированного переключилась на второго пострадавшего. Здесь всё было сложнее. Вспомнила любимый фильм детства «Знахарь», убедила себя, что если он смог, то и у меня получится, тем более набор инструментов и медикаментов у меня чуть лучше.

Я никогда не делала таких операций. Только читала и один раз присутствовала, но во мне горела уверенность, что я справлюсь. Никакой паники, даже когда казалось, что всё. Показатели парня дважды оказывались на грани. Татуированный, следящий за каждым моим движением, каждый раз замирал, не дыша, и я думаю, молился. Сразу запретила ему подходить близко пока оперирую, хоть он и порывался, когда думал, что я не замечу. Отвлекалась на эти его попытки, притормаживая действия, только это его и останавливало. Выдержка у татуированного та ещё, ни разу не поморщился, пока я его друзей резала и зашивала. Хотя есть подозрения, что видеть мозги для него не впервой, только вот не в целом состоянии.

Опустила взгляд на руки. Дрожат, не переставая, с момента, как я сделала последний стежок и чуть не упала, когда напряжение, которое я даже не заметила, резко покинуло тело. А ещё плакать хочется. Нет, рыдать, навзрыд, от понимания, что не жила эти два года, а примитивно существовала, бесконечно убеждая себя, что все так живут и я смогу. Не смогу, теперь точно знаю. В операционной захудалой поселковой больницы я нахлебалась эмоций, которые нельзя было впускать в себя. Они напомнили о том, чего я лишена, о моих мечтах и стремлениях, о жизни, которую я себе рисовала, а потом сожгла этот рисунок дотла и пепел жадно сожрала в глупой надежде что что-то возродится из этого горького чёрного порошка.

- Кто тебя? - Послышался за спиной голос татуированного. То ли он передвигается бесшумно, то ли я слишком погрузилась в себя. Потерял меня из виду, пока беседовал с кем-то по телефону, а я воспользовалась ситуацией и ускользнула через запасной выход на воздух, отдышаться, в этом здании я все лазейки знаю. Всю ночь под его контролем провела, напряг во всём теле не отпускает. Расслабиться хочется, отдышаться.

- Что? - Посмотрела на него непонимающе, а он сел на лавочку и согнулся, опёрся локтями о колени, потёр глаза, а затем густую чёрную щетину, будто она ему страшно надоела, практически мешала жить. Устал. Как и я не спал всю ночь. На операции рядом стоял, и потом ни на шаг не отходил, пока я наблюдала за состоянием прооперированных и параллельно обрабатывала раны остальных его людей, не из благих намерений, их можно было и на растерзание Машке отдать, они точно заслужили эту страшную кару, но если бы я не заняла руки, позорно вырубилась от усталости. Сомнений не осталось, что он главный, что все решения принимает и ответственность за них несёт. Он всё больше напоминал вожака стаи, даже на обработку ран сел последним. Своих людей

повсюду расставил, чтобы никто выйти из больницы не мог, меня под свой личный контроль взял. Сто процентов курить хочет, как и я, хотя никогда сигареты в руках не держала. Доктор Разумовский всегда после операции курил, а я рядом стояла, вот и выработалась привычка.

– Изнасиловал кто?

Его вопрос просто разодрал рану, которая только затянулась, в глазах потемнело, рассвет потерял свои краски и всё вокруг стало серым. Одним вопросом он окунул меня в чёрную липкую жижу моего прошлого, в заполненный до краёв чан, из которого я с таким трудом выбралась, но так и не отмылась, а мою недавнюю эйфорию просто утопил в нём. Я застыла, скованная своим кошмаром, который как кокон из колючей проволоки парализовал меня, сжимаясь на теле, одним моментом напоминая о всей боли, что я познала. Не понимала, что смотрю ему в глаза, что дрожу как зайчонок, что слёзы заволокли глаза. Отказывалась осознать, что он действительно это спросил, что я не ослышалась, что это не результат принятого коктейля эмоций этой ночи. Поздно спохватилась, что только что выдала себя, подтвердив его ничем не подкреплённую, нелогичную догадку. Но на чём-то она была основана, что-то он увидел во мне. Дышать. Главное дышать.

– Значит, не ошибся. – Произнёс он самому себе, пока я пыталась собраться.

– Ошиблись. – Вполголоса, глупо и неубедительно. Только хуже сделала. Он всё замечает и подмечает. И моя интонация жалкая выдала меня с потрохами. Пусть притворится, что поверил. Пусть остановится и больше ничего не говорит. В его взгляде жалость, которую я не выношу, которая стала тонким мостиком к причине моего жалкого существования.

– Нет, санитарка, не ошибся. Хотя какая ты санитарка, ты хирург, не меньше. Я многое повидал, но такого хладнокровия как у тебя ещё не встречал. Резать людей не каждый может, а ты это делаешь мастерски. Я залюбовался даже. А швы какие красивые накладываешь и так легко это делаешь, высший класс. Моих парней с таким усердием ещё никто не зашивал. И сразу видно, что не от страха ты стараешься, а делаешь на своём профессиональном автомате.

– Я обычная санитарка. – Произнесла так, чтобы он понял, что его умозаключения относительно меня лишние и не к месту.

- Как скажешь. Не буду тыкать тебя в тупость твоих слов и идиотизм попытки обмануть меня. Только ты на мой вопрос не ответила. - И смотрит мерзко пристально, с издёвкой, свысока, одновременно спокойно и расслабленно.
- Ответила. - Голос будто сел и каждое слово приходилось из себя выдавливать.
- Судя по тому, что ты здесь, он жив и здоровствует.
- Ни к чему весь этот разговор. Лучше бы поинтересовались состоянием ваших друзей.
- С их состоянием всё отлично, благодаря тебе. Наши врачи будут через десять минут. Хочешь его убить? - Произнесённая татуированным, эта фраза прозвучала так обыденно, что сомнений, что он связан с криминалом не осталось.
- Нет. - Твёрдо ответила я.
- Почему? Он же тебя поимел так, что ты теперь от мужиков шарахаешься, в глуши этой себя хоронишь, другим человеком притворяешься.
- Человеческая жизнь священна.
- Похоже, ты действительно в это веришь. Давно это произошло? - Не унимался он.
- Вы издеваетесь? - Не выдержала напора, повысила тон. - Может, вам во всех подробностях описать весь процесс?
- Если тебе от этого станет легче, но я предпочёл бы имя и адрес. - Пожал не принуждённо плечами, будто мы о погоде разговариваем.
- Не станет. - Больше огрызнулась, чем просто ответила. - Хотите знать кто он. Что ж, он такой же, как и вы, человек способный вынести свой личный приговор и исполнить его. - Татуированный поморщился, желваки заиграли от напряжения. Не понравилось сравнение? Или то, что я попала в точку? - Прежде чем отрицать, ответьте, если бы ваши друзья не выжили, что бы вы сделали?

– Мы этого уже не узнаем. – Холодно и равнодушно, но всё это напускное.

– Не разочаровывайте меня. Какими бы были последствия моего дерзкого обещания?

– Окажись ты лгуньей... Отправили бы тебя развлекать их на тот свет. – Эти слова окончательно вышибли меня из колеи. Они были как привет из прошлого, эхо дежавю. Я неосознанно поморщилась и отвела взгляд в сторону, попытавшись скрыть истинные эмоции. Не хотела, чтобы татуированный заметил ещё хоть что-то.

Вдалеке виднелся столб пыли и слышался шум. Ехало несколько машин на большой скорости. Стащила с себя халат, бросив на лавку рядом с татуированным, вызвав на его лице ухмылку.

– Точное описание операций, список и дозировка примененных препаратов на тумбочках рядом с кроватями. – Развернулась, чтобы уйти. Это был идеальный момент. Он за мной не последует и удерживать вряд ли станет. Всё, что могла я сделала. Думаю, сейчас здесь будет целая делегация, которую он должен встретить лично. А я больше не могу и не хочу никогда разговаривать с ним.

– Я тебя не отпускал. – Расслабленно произнёс, медленно поднимаясь, демонстративно убирая руки в карманы, показывая, что останавливать не станет.

– Мне ваше разрешение не нужно. Прощайте.

И не дожидаясь его следующей реплики отправилась к себе, высыпаться. Плевать, что сумка осталась в больнице. Заберу её, когда они все уедут, а я приду в себя.

Мне снилась боль, разливающаяся по всему телу. Тёмная раскалённая комната, удушающая запахом крови. Тишина, в которой малейший звук становится жутко громким, звенящим или шипящим в черепной коробке. Тяжёлое твёрдое тело, которое двигается на мне. Кажется слышно, как внутри всё рвётся, как стекают последние секунды жизни каплями его пота с моей кожи на грязный белый хлопок постели. Крик, застрявший внутри, удушает. Всё, чего я желаю – отключиться и больше никогда ничего не чувствовать. Он нарушает молчание, обещая, что будет продолжать пока я не сдохну и держит слово. Этот сон всегда заканчивается одинаково: он меня целует, наполняя моё ледяное тело своим раскалённым дыханием.

Я всегда просыпаюсь в холодном поту, задыхаясь от его поцелуя, которого не было, он странная выдумка моего мозга. Всё остальное было: боль, кровь, пот и холод смерти, который я испытала на себе. Каждый раз долго прихожу в себя, борясь с реальностью застывших во мне ощущений. Снова и снова внушаю себе, что всё в прошлом, чтобы перестать дрожать и сдержать запоздавший на два года вопль, который рвал меня изнутри также, как и его источник. Не могу отделаться от чувства, что он застыл во мне и не отпускает, давая понять, что больше ни для кого в моём теле нет места. Просовываю руку в трусики убеждаясь, что нет во мне ничего, что всё давно зажило и болеть нечему, но осознание не приносит покоя.

По параноидальной привычке осматриваю себя, убеждаясь, что нет ни синяков, ни крови. Снаружи не осталось ни единого следа. Только внутри всё осталось разодранным, и как бы я не боролась, не получается собрать себя, чтобы стало как прежде. Иногда кажется, что наконец получилось, части подошли друг к другу и осталось дожидаться, когда срастутся, но раз за разом происходит одно и то же: привычное разочарование, хроническая боль, наивная надежда, что когда-нибудь всё получится. Правда, я уже и не знаю, хочу ли я стать той же девушкой, которая оказалась слабой и жалкой, сдалась без борьбы, позволив пеклу чужой ненависти испепелить себя. Иногда я по ней скучаю, потому что вижу будто со стороны то, как она жила и что делала. У нас общие воспоминания, но разные чувства и восприятие. Я училась на её ошибках, меняясь, трансформируясь, обращаясь в себя нынешнюю, избавляясь от неё в себе по частям. Я прекратила это делать в один момент. Сидела на работе и вдруг поняла, что должна сберечь каждую часть себя, особенно ту, что обладала поразительным свойством бороться до последнего. Я вспомнила, как она падала, учась ездить на велосипеде, но поднималась и продолжала учиться, когда все махнули на неё рукой. В одну из попыток она просто села и поехала, испытав невероятное чувство гордости, что смогла сделать это сама. С того самого

момента она всё преодолевала своим упорством. Падала, разбиваясь, но поднималась и склеивалась, казалось, становясь прочнее. Теперь я этим свойством не обладаю, двигаясь по пути наименьшего сопротивления, оберегая нас обеих, пока она снова пытается собрать себя из хрустальной пыли, что от неё осталась. Когда это наконец случится, предстоит самое сложное – слиться в единое целое, снова став цельной личностью.

Никак не получается оторвать голову от подушки из-за этих тяжёлых мыслей. Вчера, придя домой после безумной ночи, не приводя себя в порядок, разделась почти до гола, зарылась в одеяло не смотря на жару, и отключилась. С непривычки проспала до новой ночи. Раньше могла несколько суток подряд провести без сна и еды, ловила от этого кайф, испытывая возможности своего организма. Как же принять тот факт, что никогда не будет как раньше? Как смириться и перестать сопротивляться реальности?

Чтобы избавиться от надоевших мыслей, усталости от самой себя, отправилась в единственное место, которое мне здесь нравится – лесное озеро. Предыдущий владелец дома сразу предупредил, что оно очень коварно, и, если ты ему не понравишься, может утащить в свои глубины. Наверно поэтому оно мне так понравилось, и я так часто сюда таскаюсь. Кроме меня здесь никого не бывает. Местные боятся здесь купаться из-за дурной славы этого небольшого водоёма и добираться сюда не близко, а ещё вода кажется грязной и мутной. Смыва с себя в прохладе наваждение из сна. Долго лежала на спине на водной глади, любуясь ночным небом сквозь просветы в кронах деревьев, прокручивая последние сутки. Зачем татуированный расковырял мою рану, чего добивался? Ведь он чего-то добивался своими вопросами. И неужели так легко догадаться что со мной сделали. Он будто угадал меня не с трёх и не с двух нот. Ему оказалось достаточно одной, низкой, тяжёлой, протяжной. До разговора с татуированным была длительная ремиссия, основанная на монотонности моего существования. Думала, что начала забывать, приходить в себя, но нет – всё самообман. Я так и не срослась из тех ошмётков что от меня остались. Стыки ран затрещали, и я начала распадаться от малейшего напоминания о случившемся. Каждый раз будто всё по новой. Помнить каждую напряжённую ненавидящую черту лица, тяжёлый запах мужского тела, ощущать его внутри себя и знать, что это может повториться.

Не заметила, как ушла под воду. Со мной подобное не в первый раз. Необычное ощущение, когда не дышишь, но тело не испытывает недостатка кислорода. Вынырнула, окончательно придя в норму, начав обдумывать свои будущие

действия.

Незнакомцы должны уже уехать. Их друзьям требуется срочное обследование и возможно дополнительные операции. Смысла и повода здесь оставаться нет. Татуированному я дала понять, что его помощь мне не требуется и вмешательства в свою жизнь я не допущу. Сомневаюсь, что его интерес к моей судьбе не угаснет по возвращении в привычную обстановку. Что-то мне подсказывает, что и без проблем мутной санитарки у него достаточно забот. Мне дико хотелось, чтобы всё оставалось по-прежнему. Избежать расспросов и сплетен, пытки в виде бесконечного любопытства окружающих. Хочу, чтобы моя тягучая однообразность продолжилась. Только приходится быть реалисткой – теперь это невозможно. Цепная реакция уже запущена. Придётся переезжать, как можно быстрее, пока на меня не начали собирать информацию, интересоваться прошлым. Не факт, что татуированный начнёт копать, но лучше перестраховаться и исчезнуть. У меня остался ещё один паспорт и шанс на новую жизнь.

Прежде чем принимать окончательное решение нужно побывать в больнице и убедиться, что там всё хорошо. Зря я так поспешно ушла, непрофессионально с моей стороны, да и не по-человечески, но оставаться, чтобы меня увидело ещё несколько человек, тем более врачей, было опасно.

Я пришла в свою смену с написанным заявлением по собственному желанию, подготовившись к любым расспросам. Продумала каждый возможный вопрос и варианты ответов на него – один абсурднее другого. На первое время сойдёт, а потом я исчезну. Только в больнице творилось что-то странное: все вели себя будто не произошло ничего из ряда вон, никто не задавал никаких вопросов и не упоминал события позавчерашнего дня. На мои вопросы о «гостях» тоже никто не отвечал, будто никого и ничего не было. Даже самый болтливый сотрудник, уборщица баба Маша, уверенно изображала болезнь Альцгеймера. Чуть позже до меня дошло, что те, кого не было в тот вечер и ночь в больнице, ничего не знают. Произошедшие события заперты в головах свидетелей неизвестным мне способом, и они упорно притворяются, что никаких приезжих не было, а я не блеснула хирургическими талантами.

Похоже визитёры неплохо оплатили всем свидетелям амнезию и провели внушение. Об этом я не подумала, что они подчистят за собой. Только стало как-то не по себе от осознания их возможностей. Да, тачки были крутые, оружие, дорогие часы, но что же здесь происходило пока я спала, как за одни сутки они

обработали моих коллег и некоторых пациентов. А самым паршивым было то, что похоже я была единственной, кому внушение не проводили, потому что точно знали, что я буду молчать, не рискну привлечь к себе внимание. И ещё меня не искали, а это самое главное. Я им не нужна, иначе уже заявили о своём интересе. Я решила придержать заявление вместе с решением переехать, осторожно наблюдая за окружающими и слухами в посёлке, но всем действительно будто стёрли память. Даже неугомонной Машке, которая даже не смотрела в мою сторону, старалась держаться подальше и, как мне показалось, шарахалась от меня.

В одно из своих ночных дежурств я пошла на крайние меры и напоила Этила. Хотела хотя бы этим отвратительным способом выяснить хоть что-то. К моему разочарованию он не помнил абсолютно ничего, даже приставленного к виску пистолета или того, как его колошматили о стену, пытаюсь привести в себя. Все воспоминания, даже если они и были, выветрились из него вместе с парами алкоголя. Единственное, чего мне удалось от него добиться, что мне очень идёт белый цвет, в котором он ни разу меня не видел, за исключением той ночи, когда я надела на себя халат. Работая санитаркой, я носила серую или голубую форму, а из белых вещей в моем нынешнем гардеробе только пара белых маек, в которых я сплю. Пытаясь сделать проблески в памяти Этила ярче, я активно подливала ему алкоголь, но он отключился раньше, чем в его голове заискрились воспоминания. Больше никаких попыток я не предпринимала, ни с Этилом, ни с кем-либо ещё.

Так прошла неделя, а потом ещё одна. Я окончательно успокоилась, пока в один из дней, направляясь на работу, не заметила три чёрных иномарки с наглухо тонированными стёклами, от вида которых моментально затошнило и затрясло.

Глава 4

Я резко затормозила, запаниковав. Это первая реакция. Она ошибочная и неправильная, основанная на эмоциях. Дышать. Главное дышать и думать.

– Девушка, с вами всё в порядке? – Вывел из ступора мужской, слегка хриловатый голос.

Отряхнувшись от панического наваждения, перевела взгляд в сторону голоса, приходя в норму, дожидаясь, когда дымка рассеется и зрение снова станет чётким. Нельзя так реагировать на каждую чёрную машину, этим я выдаю себя и порождаю лишнее внимание и вопросы. Только они копии его машины, той самой, от вида которой биение сердца заходится в бешеном темпе. Это не Кирилл. Он действовал бы по-другому, не стал выдавать свой приезд. Хищник поджидает свою добычу в укрытии.

– Может врача? – Продолжил незнакомец, озвучив интересное предложение. Я все свои диагнозы знаю, изучила вдоль и поперёк, только озвучить это не могу, хоть и хочется, чтобы хоть так быть ближе к медицине. Сфокусировала взгляд, устанавливая зрительный контакт. Его я вижу впервые. За пятьдесят, крепкий, подтянутый, сразу видно следит за собой. Волосы каштановые, с проседью. Одет просто, неброско. Смотрит на меня пристально, добродушно, с искренним волнением, нахмутив густые брови над своими очень красивыми голубыми глазами, которые компенсируют все огрехи в его внешности. Нос у него был сломан несколько раз точно, а от левого уголка рта идёт небольшой шрам, но очень говорящий, скорее всего он был в этом месте разрезан. Пока я соображала, он отбросил сигарету, которую я не заметила сразу, в урну, и решительно приблизился, протягивая руку, чтобы прикоснуться к моему плечу, скорее всего. Сама не заметила, что никак не реагирую на его слова и действия, а надо. Моментально пришла в себя, выдав реакцию, ставшую хронической.

– Со мной всё в порядке. Спасибо. – Поблагодарила, попятившись, увеличивая дистанцию.

– Не похоже. – Слишком строго произнёс он, нахмурившись ещё больше. Добродушность поубавилась, смешавшись с тревогой и суровостью.

– Мне лучше знать. – Намеренно отключила вежливость. Мне не нравилось его лишнее внимание. Он лишь ухмыльнулся правым уголком рта, пройдясь по мне взглядом как рентгеном.

Я в последний раз бросила взгляд в сторону машин и, больше не посмотрев на незнакомца, поспешила домой, в свою крепость.

Мой домик находился в лесу, недалеко от посёлка, но только знающий эти земли мог найти это место. По документам я зарегистрирована у местного алкаша, и

все думают, что я действительно живу в его доме, даже он. Здесь я приходила в себя, зализывала раны и училась жить заново, адаптировалась к своим страхам и заново привыкала к общению с людьми, обдумывая каждый новый прошедший день, вспоминая с кем и о чём разговаривала, и как мой собеседник на меня смотрел, что было в его глазах и движениях настораживающего или предупреждающего. Здесь я попыталась всё забыть. Только моя психика оказалась слишком изувеченной. Прошло два года, но фантомные ощущения преследуют меня до сих пор. До сих пор я чувствую его в себе и во сне, и наяву. Я перестала себя убеждать, что справлюсь с этим, приняла и смирилась. Привыкла насколько это возможно, перестала реветь от сопутствующих воспоминаниям ощущениям.

Никто не знает где я живу, а найти это место непросто. У меня есть пара дней в запасе, чтобы собрать вещи, определиться с дальнейшим курсом, продумать и подготовиться снова начать всё заново. Жаль, что придётся уехать, а точнее исчезнуть, но слишком много незнакомцев появляется в этом маленьком посёлке, слишком много чёрных иномарок, слишком много «слишком». А я и так привлекла к себе внимание. Пусть сейчас все молчат, но вечно это не продлится. Затишье никогда не бывает постоянным, и я не собираюсь дожидаться бури.

Не стала предупреждать на работе, что не выйду. О том, что уезжаю, сообщу уже сидя в автобусе или поезде, как получится. На память обо мне им останется моя трудовая с единственной записью, после которой они могут писать всё, что угодно. Мой внезапный отъезд будет им поводом для обсуждения на ближайшее время, раз с приездом незнакомцев сорвался.

Сломала и выбросила симку. Начала собирать вещи, обдумывая, куда ехать. Ответ один – как можно дальше, в очередную глушь, где меня никто не найдёт, не узнает и не станет всматриваться на фото в паспорте. Меняя жизнь, я не стала менять внешность, надеясь, что покойницу искать не будут, а зря, больше этой ошибки я не допущу, да и с фото в очередном паспорте на меня смотрит блондинка.

В последний раз наслаждалась теплом лесного озера, обволакивающего обнажённое тело. Не переставала удивляться его странной особенности сочетать в себе тепло и холод. Я всегда начинала свой заплыв в тёплой половине, плавно переплывая в ледяную и обратно. Сабрина, девушка, которая жила у меня некоторое время, предпочитала обратный порядок. Я сразу почувствовала в ней надлом, подобный моему, и не задавала лишних вопросов,

чем понравилась ей. Перед отъездом она призналась, что попыталась сбежать от своего прошлого, но здесь ей кажется, что она застряла в нём. Я скучаю по ней и буду скучать по этому месту, но даже покой, подаренный им, не заживил самую главную мою рану – я уже никогда не стану врачом.

Возвращаясь домой, поняла, что погорячилась, отправившись плавать, не взяв с собой ничего теплее плавок и белой мужской футболки, под которую моментально забралась вечерняя весенняя прохлада. Обнажённое влажное тело покрылось мурашками. И следующего раза уже не будет, чтобы исправить эту ошибку в моём стремлении сделать свою жизнь совершенной. Сейчас я наслаждалась каждым моментом, пытаюсь пропитаться лесным воздухом, насладиться тишиной, запомнить свои ощущения. Я испытывала странную благодарность к этому месту, будто к человеку, который бескорыстно мне помог, ничего не попросив взамен. Впервые захотелось плакать не от тревоги или боли, а от простой человеческой грусти расставания. Я не стала давать себе обещаний, что обязательно сюда вернусь, они будут напрасными, но это станет моей мечтой, к которой я буду стремиться.

Зайдя в дом, скинула тяжёлые резиновые сапоги и поспешила к камину, где уже всё было готово, осталось лишь поднести спичку, чтобы зажечь огонь. Только коробок я не нашла, похоже Куся куда-то заиграла.

– Чёрт! – Раздражённо ругнулась, обхватив заочневшее тело руками. Не так я себе представляла прощальный вечер с этим местом.

– Помочь? – Раздался за спиной мужской голос.

Сначала я не поверила своим ушам. Готова больше поверить, что у меня галлюцинации, чем осознать, что в доме кто-то есть. Обернулась одной головой и встретилась взглядом с голубоглазым незнакомцем. Сейчас он был одет в тёплый свитер тёмно-бежевого цвета, тёмно-синие брюки и чёрные ботинки. Вроде ничего особенного, но от его одежды веет дороговизной. Разительная разница впечатления о нём на первой встрече и сейчас. Мужчина даже смотрит на меня иначе, заинтересованно и внимательно, но при этом не изучающе, как было у больницы, а будто всё обо мне знает, что напрягает больше, чем само его появление. Пользуясь моим замешательством, он подошёл по-мужски уверенным шагом, не торопясь, и присев рядом на корточки, достал из камина щепку, поджёг её зажигалкой, которую всё это время сжимал в ладони, и положил к остальным дровам. В тишине комнаты начало раздаваться лёгкое потрескивание

разгорающегося огня. Мой взгляд не упустил платиновых часов, напомнивших ещё одно фантомное чувство – холодной тяжести на руке, которое не покидает меня никогда.

– Виктор. – Представился он, а я так и сидела статуей, пытаюсь сообразить, что делать. Сейчас я беззащитна, в ловушке и совершенно не готова хоть как-то реагировать. – Ну, а ты, по твоим фальшивым документам, Екатерина. – Виктор улыбнулся после своих слов, будто только что пошутил и я тоже должна посмеяться, только вот мне не до смеха, пока не пойму, что ему от меня нужно.

– Они не фальшивые. – Уточнила я, еле шевеля губами, всматриваясь в его лицо. Спокойный и доброжелательный, но это обман. Я чувствовала, что он может быть другим, отметила это в момент нашей первой встречи у больницы.

– Как посмотреть. Человека, которому они принадлежали до тебя, давно нет в живых. Но ты и без меня это прекрасно знаешь. – Я не готова к этому разговору, к тому, что он что-то знает обо мне и, тем более к тому, что он может знать обо мне всё. – Прежде чем мы продолжим разговор, я бы хотел увидеть на тебе чуть больше одежды. – И снова улыбнулся, но очень по-доброму.

Он улыбнулся, а меня как током ударило. Сажу в просвечивающей влажной майке, которая ничего не скрывает, соски от холода пошло стоят. За время нашего разговора его взгляд не спустился ниже моих глаз, и я не ощутила угрозы мужской похоти. Обхватила себя руками, и, медленно поднявшись, попятилась в соседнюю комнату, по совместительству спальню. А он с какой-то снисходительной ухмылкой наблюдал как я отхожу от него. Наверно это выглядело крайне глупо.

Пока натягивала на себя джинсы, свитер и кроссовки, собирала влажные волосы в пучок, пыталась понять, как вести себя с Виктором. Только в голове было пусто. У меня нет никакой информации о нём, зато, похоже, у него есть обо мне. Прошлась по комнате несколько раз, остановилась у окна, но даже не успела подумать о побеге, когда за спиной раздались шаги, дверь в комнату открылась и я обернулась, застыв на Викторе испуганным взглядом.

– Я не причиню тебе вреда. Мы с тобой сейчас поговорим. Пойдём на кухню, угостишь меня чаем, тебя пришлось долго ждать. – Он дождался, когда я совладаю с собой и шагну в его сторону, после чего спокойно развернулся и

двинулся вперёд.

Виктор сидел за столом напротив меня, потягивая чай на травах, которые я сама собирала. Мой личный успокоительный сбор, который в сложившейся ситуации не помогал. Так и не смогла произнести ни слова, пока мы ждали, когда закипит вода и заварится напиток, только наблюдала за гостем, недоверчиво вглядываясь во все зеркальные поверхности. Его спокойствие выводило из себя, как и пристальный взгляд. Он ничего не делал и это нервировало, потому что я по-прежнему не понимала опасен ли он. Дважды уронила ложку и чуть не разбила чашки, доставая из шкафчика. Виктор сидел с невозмутимым видом, просто наблюдая за моей нарастающей нервозностью, степень которой уже не получалось скрыть.

– Не хочешь назвать своё настоящее имя? – Прервал затянувшееся молчание неприятным фактом из моей жизни, когда я уже несколько минут, сидя напротив него, наблюдала как он пьёт чай, в перерывах болтая жидкость в прозрачной чашке.

– Катя. – Постаралась ответить как можно твёрже, но Виктор лишь в очередной раз ухмыльнулся и покачал головой. Что означал этот жест я не понимала, то ли ему не нравилось, что я плохо вру, то ли, что я просто вру, то ли, что вру несмотря на то, что уже поняла, что он знает, что я вру.

Он продолжил говорить после небольшой паузы и глубокого вздоха, отставив чашку в сторону, положив руки со сплетенными в замок пальцами на стол, а взгляд сфокусировав на моих глазах.

– Ты не похожа на Катю. Катя Соболева была слабой троечницей, с трудом закончила девять классов, не доучившись бросила кулинарное училище, подавшись в проститутки и наркоманки. Единственным её талантом было умение глубоко заглатывать, что она активно демонстрировала в порно фильмах, используя псевдоним Соска. И ты правильно подумала, я посмотрел пару видео, чтобы убедиться, что это действительно не ты. Катя Соболева не читала книги по нейрохирургии, и на её ноутбуке из видео было только порно, а не записи медицинских симпозиумов, от которых простой смертный засыпает на третьей минуте, я выдержал десять, прежде чем выключить. Ты хочешь, чтобы я поверил, что эта Катя смогла в практически полевых условиях прооперировать двух человек, причём настолько профессионально, что за ней не пришлось ничего переделывать? К тому же Катя Соболева умерла от передоза два года

назад. Узнать всё это, мне не составило труда. Её сутенёр поведал интересную историю про то, что ему заплатили за документы этой несчастной, а ещё за молчание о самом факте смерти его подопечной, тело которой таинственным способом исчезло. Ты действительно похожа на фото в паспорте Екатерины Соболевой, но на этом все сходства заканчиваются. – Эти подробности личности, которую я использовала, не были мне известны и теперь, узнав их, почему-то хотелось провалиться под землю. По большому счёту мне было всё равно кем быть, лишь бы больше не быть собой. – Ты ещё хочешь оставаться Екатериной Соболевой? Что-то мне подсказывает, что нет, особенно если учесть, что Соска осталась кое-кому должна, и я сомневаюсь, что ты хочешь за неё расплачиваться, её кредиторы берут натурой. Не прошло желание утверждать, что ты Екатерина Соболева? Вижу, что прошло. Не хочешь называть настоящее имя, выбери новое. Документы сделают за пару дней, и они не будут фальшивыми, сможешь спокойно по ним передвигаться по стране и за её пределы, убегать сколько твоей душе угодно. Или можешь перестать бегать и прятаться, принять мою помощь и защиту. Я увезу тебя из этой дыры, тебя никто не посмеет обидеть, ты ни в чём не будешь нуждаться, вернёшься в профессию, будешь снова лечить людей.

Виктор произнёс волшебные слова. Божественные. И то, как он их произнёс вселяло в мой больной мозг, что Виктор действительно может дать мне всё, о чём говорит. Внутри завибрировала надежда, сердце заколотилось, в руках появилась дрожь нетерпения, будто мне подарили подарок, который не терпится открыть, особенно потому, что я уже знаю, что внутри. Я ярко представила возможности, которые передо мной открываются, только резко осеклась. Страх прочно сидел в моём подсознании, омрачая всё, что предлагал Виктор. Даже не страх, а ужас, что стоит выползти из укрытия, как моё жалкое существование закончится. За него я не цеплялась, лишь за несбыточные мечты, скрашивавшие моё уныние. Мечты, где я – снова я, где не надо прятаться, притворяться, бояться, где я живу не впустую, не зря. Желание закричать «ДА!» было придушено трезвыми мыслями. Виктор не сказал о себе ничего кроме имени. Я лишь догадывалась о том, что он как-то связан с недавними «гостями» нашей больницы, и это его машины меня так напугали. Он знает, что я фальшивка. Предлагает то, что я истинно жажду до трясучки. Не говорит, что попросит взамен. Даже если не попросит, у всех действий и решений есть последствия, это я как никто другой усвоила на всю оставшуюся. Не заметила, что пока я думаю, он внимательно изучает мои реакции. Слишком привыкла жить одна в этом доме, чтобы и в этих стенах контролировать себя, как стараюсь делать это на людях.

– Я могу подумать? – Попыталась отсрочить свой отказ, не понимая, как он на него отреагирует.

– Конечно, пока я не допью чай. – Произнёс, шутливо болтая в прозрачной чашке жидкость, которой оставалось на один глоток. Специально ограничивал меня во времени, не позволяя нормально подумать, играя на моей психике. А если я не могу думать, то и ответ будет соответствующим, самым примитивным и безопасным.

– Спасибо за предложение, только я приняла решение ещё до вашего визита, и менять его не собираюсь. – Твёрдо, на одном дыхании, так, чтобы поверил он и я сама.

Виктор осушил чашку, пристально глядя на меня, а затем молча встал и неторопливо вышел из дома с абсолютным спокойствием на лице.

Глава 5

Я осталась одна в глухой тишине пустого дома, от которой неожиданно стало не по себе. Меня должно было отпустить, мне должно было стать легче, ведь я осталась в комфортных для моей психики условиях. Виктор ушёл вместе со своим предложением, и моя жизнь не усложнится. Только откуда в глазах слёзы, размывающие очертания пустой чашки и дикое желание взвыть. Внутри всё скручивало от осознания, что Кирилл в очередной раз поимел меня, только не физически. Он имел мой разум, заставляя принимать решения, основанные на постоянном страхе. В неконтролируемом порыве швырнула со стола чашку куда-то в сторону, зарылась руками в волосы, сжимая у корней до боли. По щекам текли ледяные слёзы, тело начинало трясти, накатывала истерика, я ничего не могла с собой поделать. Ужасно хотелось вопить от бессилия. Я давно угробила свою жизнь, своими руками, своими словами, своими решениями, своим молчанием. Это был осознанный выбор. Теперь только и оставалось, как ненавидеть свою слабость и разрушаться всё больше и больше. Однажды очередная упущенная возможность окончательно сломает меня. Я только сейчас это осознала, отдаваясь истерике по полной, чтобы она иссушила меня на время, и я ничего не чувствовала, иначе растеряю себя.

– Девочка, – в шипящем ворохе мыслей раздался голос Виктора. Я выпустила свои несчастные волосы, подняла взгляд. Он стоял рядом, а за его спиной в дверях татуированный, и ещё один парень, – посмотри на меня.

Виктор подошёл критически близко и воспользовавшись моментом, резко поднял меня за плечи со стула. Реакция была мгновенной: тело заколотило, перед глазами поплыло, и сердце заколотилось как бешеное. Я попыталась вырваться из его захвата, уперевшись в грудь, но руки Виктора только сильнее сдавливали меня, прижимая ближе к мужскому телу. Чем сильнее я сопротивлялась, тем сильнее он сковывал и, кажется, что-то шептал на ухо. Я кричала, не вслух, внутри себя, теряясь в ощущениях, захлёбываясь ими. Дышать становилось труднее, будто лёгкие отказали, и я не могу сделать ни вдох, ни выдох. Ненавидела это состояние. Не из-за ощущений, а из-за того, что не могла взять его под свой контроль, сопротивляться ему, даже досконально изучив.

– Тихо-тихо. Больше никто тебя не обидит, слышишь. Никто! Услышь меня. – Наконец расслышала слова Виктора, укачивающего меня в своих крепких объятьях как ребёнка, но это действовало. Я слышала, как ровно бьётся его сердце, как тихо он дышит и это успокаивало. Тело, скованное паникой и страхом, постепенно расслаблялось, укутанное его теплом и спокойствием. Виктор будто передал его мне. Внутри было по-прежнему мерзко от дрожи страха, распространившейся по телу, но она будто спасовала перед решительностью этого человека, заставившего её сдать позиции, и остаться на этот раз неудовлетворённой.

Замерла, успокаиваясь, только слёзы никак не останавливались. Я рыдала, спрятав лицо в его свитере, который скомкала в своих крепко сжатых кулаках на его груди, не понимая, почему он так на меня действует. Не знаю сколько прошло времени, прежде чем я сама стыдливо отстранилась от Виктора, выбравшись из его рук, почти полностью придя в норму. Подняла на него взгляд, чувствуя себя побитой собакой, которую он пожалел. Было паршиво, что кто-то посторонний видел меня такой. Это не первый срыв, из-за предыдущих двух мне приходилось переезжать, потому что невыносимо видеть отражение своего состояния в лицах и глазах людей. Только в голубых глазах Виктора не отражалось ничего подобного, только спокойствие, сосредоточенность и вопрос: «Что с тобой произошло?». Не хотела, чтобы Виктор произнёс его. До сих пор мне успешно удавалось избегать этого. Я навсегда исчезала из жизни людей до того, как он мог быть произнесён вслух. Отвела глаза под давлением взгляда Виктора, сосредоточившись на чашке на полу. Не разбилась, в отличие от меня.

– Сейчас ты соберёшь оставшиеся вещи, и поедешь с нами. – Произнёс он вкрадчиво. Моё мнение уже не спрашивал. В дымке не до конца прояснившегося сознания проявилось чёткое понимание. Вернула взгляд на Виктора, убедившись в своих выводах.

– Вы всё равно меня увезёте. Независимо от моего мнения. Изначально это знали. Пришли уже с этим решением. Только зачем втроём, я и одному не смогу противостоять.

– Чтобы причинить как можно меньше вреда. Не хочу заставлять. Вижу, как ты хочешь согласиться, но не можешь. – Виктор сделал небольшую паузу, продолжив уже другим тоном, пугающим своим хладнокровием. – И, да, если у нас не получится достучаться до твоего разума, мы всё равно заберём тебя. – Последнюю фразу он произнёс с нотами намеренной угрозы в голосе.

Перевела взгляд на татуированного. Он был самым напряжённым из находящихся в комнате. Почему-то именно в нём я пыталась найти подсказку, возможно потому, что именно он привёл Виктора в мою жизнь. Своим взглядом татуированный будто просил не перечить и согласиться. Тем не менее он не означал, что иначе будет хуже. Для меня чем было, хуже уже никогда не будет.

Очень хотелось таблеток, на которые в своё время чуть не под села. Точнее не их, а того состояния, в которое они погружали: невесомости, спокойствия и совершенного пофигизма. Только таблетки я давно скормила рыбкам, приняв решение жить в постоянной боли. Не телесной, нет, боли от ненависти к самой себе. Они помогли бы сейчас сделать шаг, который в осознанном состоянии сделать не могу. И на это есть причина. Виктор узнал всё о Кате Соболевой, но он ничего не знает обо мне, понятия не имеет, с кем ему придётся столкнуться. Кредиторы Соски мелкая шваль, по сравнению с Кириллом, и дело не в его возможностях, а в желании, одном, единственном, которого он добьётся во что бы то ни стало.

– Не могу. – Помотала головой.

– Можешь. Это не обсуждается. – Отчеканил строго.

– Мне нужно время.

– У тебя его было достаточно. Два года точно.

Я отвернулась от них, всматриваясь в окно. Он где-то там, мой реальный страх – Кирилл, и с ним вся адская боль, которую он недообрушил на меня. Я не раз задумывалась, что будет, если я снова попаду в руки Кирилла. Первое, что понимала – он не пощадит. Второе – всё в конце концов закончится. Только от первого пункта до второго придётся пройти путь ненависти и боли. Виктор заблуждается, что сможет защитить меня. Кирилл человек, который пойдёт на всё, что угодно, ради достижения желаемого, а желает он моей мучительной смерти, репетиция которой изуродовала меня. Но у меня появился шанс, скорее всего последний. Я столько времени провела в нытье, что не смогу стать врачом, измучила себя, так почему не ухватиться за эту возможность. Я ничего не потеряю. И плевать, чем занимаются мужчины, стоящие за моей спиной. Я этого хочу и, кажется, не прощу себе, если проявлю трусость. Сделав этот шаг назад пути уже не будет, у меня больше не будет отговорок и причин пойти на попятную. Можно заартачиться и узнать, что в их понимании причинить как можно меньше вреда, но это станет верхом трусости и эгоизма. Хватит убеждать себя, что мне достаточно этого образа жизни. Если ты когда-то познал, что такое вытащить человека с того света, тебе уже никогда не будет достаточно просто жить. Уверена, что не пожалею о своём решении – прошло то время, когда я могла о чём-то жалеть. Самое время заново собирать себя по частям, как когда-то это делала девушка из прошлого. Я повернулась к мужчинам. Мой ответ терпеливо ждали. Истерика отступила, разум и ясность мысли возобладали.

– Не могу без моей кошки. Нужно дождаться, когда она вернётся.

За спиной Виктора послышались смешки, но он никак не отреагировал, лишь осторожно погладил меня по плечам, проверяя, наблюдая за реакцией. Я старалась не подавать вида, что мне неприятно и плохо, что хочется отбросить руки, прикосновения которых разбегаются покалыванием по телу и порождают дрожь внутри. Хотя он всё равно всё понял и с разочарованием убрал руки.

– Собирай вещи. – Тихо произнёс, отойдя на несколько шагов, выпуская из капкана своего присутствия.

Я старалась не думать, каким образом они увезли бы меня в случае моего отказа, не хотела в очередной раз подкармливать свою и без того упитанную трусость. Прошла мимо татуированного и парня в свою спальню. Большая часть вещей уже была собрана, остались какие-то мелочи. Открыла окно чтобы

отдышаться. Только вдохнув чистый прохладный воздух трезво задумалась о происходящем, но не успела накрутить себя и засомневаться, как услышала отборный русский мат и человеческое то ли шипение, то ли рычание. Перелезла через окно, обошла дом и натолкнулась на злобно шипящую Куся. Моя любимица, как и я, не терпит прикосновений чужих людей и, в отличие от меня, умеет давать сдачи. Вот и этому бритоголовому амбалу не повезло: Куся вцепилась в его руку зубами и когтями мёртвой хваткой. Попытки отодрать мою девочку лишь усугубляли положение – она ещё активнее царапала кожу задними лапами, крепко держась передними. Пришлось поспешить на выручку.

– Куся, малышка, иди ко мне. – Переключила внимание на себя, поглаживая её подбородок. Любимица моментально послушалась и перетекла в мои руки. Куся была похожа на ртуть и цветом шерсти и физическими свойствами.

– Малышка? – Недоумённо возникал пострадавший, потирая места царапин и укусов, размазывая кровь. – Мейн-кун, бля.

– Нет. Просто мейн-кун. – Поправила его.

– Что за шум? – Послышался строгий голос Виктора.

– Царь, эта бешеная тварь меня искусала. – Процедил сквозь зубы, недовольно рассматривая раны.

– Нечего было её лапать. – Вступилась за свою любимицу, поглаживая её за ушком. – И она не бешеная, все прививки у неё сделаны.

– Шмель, не жужжи. – Подойдя ко мне произнёс Виктор, он же Царь, пристально рассматривая мою кошку. – Теперь мы можем ехать? – Обратился уже ко мне.

– Нет, – он нахмурился и, прежде чем успел произнести слова, которые разочаровали бы меня, уточнила, – сначала нужно обработать раны и поедем.

Шмель под строгим взглядом Виктора терпел пытку в виде дезинфекции, эту унижительную, по мнению Шмеля, процедуру он проходил в принудительно-приказном порядке, сверля меня недовольным взглядом, ведь, по его мнению, не обязательно обрабатывать то, что и так заживёт. Мне казалось странным, что он

такой хмурый и ворчливый, потому что у нас был одинаковый цвет глаз, и мне казалось, что он просто обязан быть добряком. Добряком, расписанным зоновскими наколками. Куся растеклась на подоконнике страшно довольная собой и косилась на неповреждённые участки кожи бритоголового, заставляя его нервничать.

– Санитарки, оказывается, неплохо зарабатывают: дорогой ноутбук, телефон, мейн-кун, редкие научные книги. – Начал докапываться до меня татуированный, просматривая что-то в своём телефоне. Завидная у него наблюдательность, особенно в плане книг, и ведь не поленился пробить в интернете.

– Клим. – Осёк его Виктор по-дружески строго, вызвав лишь улыбку татуированного, хотя теперь это прозвище должно было по праву переключиться к Шмелю.

– Куся – подарок, книги – наследство, а техника, – задумалась на мгновение, вспоминая, на какие деньги она куплена, – продала кое-что ненужное. – Пояснила, заканчивая с ранами Шмеля. – Всё. – Обратилась к пациенту. – Жить будешь. – Подвела итог.

– Спасибо. – Выдавил он из себя снова под строгим взглядом и с недовольными матами себе под нос поспешил уйти.

Меня оставили одну. Я попросила пару минут. Вещи забрали и унесли. Я убирала препараты в аптечку, собираясь с мыслями. Было тяжело заставить себя сделать шаг из жизни, которая так и не стала привычной. Закончились два года борьбы за спокойствие. Его не обрести, если не в ладу с собой. Руки начали трястись, замочек на аптечке никак не поддавался. Куся сползла с подоконника, и нагло прошагала по столу к моим рукам, лизнув одну из них. Странная у меня кошка, но именно её странность переключает меня на новое состояние. Аптечка наконец была заперта и убрана на место. Осмотрелась вокруг в который раз подряд. Что-то не давало мне покоя. Уже собралась уйти, когда вспомнила о чашке, валявшейся на полу. Ей там не место, как и мне здесь. Подняла, рассматривая, ни единого скола. Поставила в шкаф, на её законное место, предварительно вымыв. Теперь точно пора.

Мы шли по лесу, выбираясь к дороге. Проехать к моему дому невозможно. Виктор шёл сбоку, а Клим, Шмель и ещё пара людей позади нас. Куся на руках

немного нервничала и злобно урчала, нервно мотая хвостом. Я не сразу заметила, что за нами стягиваются с разных сторон люди. Несколько мужчин в камуфляжной форме точно такой же, как была на пострадавших из второй машины. Я посмотрела на Виктора, шедшего в метре от меня. Почувствовав мой взгляд, он с лёгкостью его прочитал.

– Твой дом окружили после нашего чаепития. Они не видели тебя после купания. Сначала я пришёл один. – Пояснил он, успокаивая моё недоумение.

– Зачем вам столько охраны? – Спросила, и до меня дошло, что возможно я была не единственной причиной приезда Виктора в эти места. Машину татуированного и его товарищей обстреляли где-то неподалёку отсюда и есть вероятность, что их недоброжелатели всё ещё где-то поблизости.

– Для безопасности. – Сухо пояснил Виктор, давая понять, что не собирается мне что-то объяснять.

В машине Куся устроилась на моих ногах, задремав. Шмель злобно дышал, недовольный тем, что это «психованное исчадие ада» я перевозжу без переноски и жевал сигарету за сигаретой. Именно жевал и я была единственной, кого это удивляло.

Я ехала в одной из чёрных машин, которых испугалась на днях. Встала как вкопанная, заметив их, чем озадачила всех, кто видел мою реакцию.

– Всё в порядке? – Нарушил молчание Виктор, но я осталась стоять в трансе, не шевелясь и почти не дыша.

Нет, не в порядке. Странно, что он до сих пор не понял, что это моё нормальное состояние. Я так и не ответила, продолжив идти навстречу своим беспочвенным страхам. С трудом заставила себя сесть внутрь, и не думать, не вспоминать эпизоды из прошлого, а главное не подавать вида, что меня тошнит от каждой детали внутри. За окном мелькал знакомый пейзаж, но я видела другое. Против моего желания перед глазами поплыли кадры из прошлого, звуки и даже запахи. Трение горячего о холодное и фантомная наполненность инородным внутри. Сама не заметила, как начала играть с кнопкой стеклоподъёмника, то опуская, то поднимая стекло, не полностью, на пару сантиметров. Туда-сюда, туда-сюда. И резко бросила это занятие, натолкнувшись на мерзкую ассоциацию в своей

голове. Всё, что хоть немного связано с сексом, или напоминает о нём, вызывает отторжение.

- Ты выбрала имя? - Отвлёк меня Виктор, скорее всего специально.

- Имя?

- Своё новое имя.

- Николь Викторовна Разумовская.

- Интересный выбор. А Викторовна не в честь меня случайно? - Улыбнулся своему предположению.

- Это моё настоящее отчество.

Я не спрашивала куда меня везут. Не это было главным. Справиться с собой, чтобы не спровоцировать лишних вопросов, вот на чём я сконцентрировалась. Меня ужасно тошнило. Эта машина была один в один как у Кирилла. Я отдавала себе отчёт в том, что все машины одной марки и модели одинаковы, но в этой даже пахло также. Я старалась дышать ровно, рассматривая мелькающие пейзажи за окном, стараясь прогнать из головы картинку из прошлого.

- Ты расскажешь, что с тобой случилось? - Вкрадчиво спросил Виктор, когда я застыла, пытаюсь побороть порыв разрыдаться. Я не повернулась в его сторону, пряча взгляд.

- Нет. - Постаралась произнести как можно ровнее, хотя подавленность скрыть не удалось, горло душило.

- Почему?

- Я хочу всё забыть.

- Это я организовать не смогу. К сожалению, не всеилен.

Повернула голову в его сторону, юмор Виктора показался мне странным и не уместным. Улыбка моментально сползла с его лица, и я поняла, что причиной этому было то, что он увидел на моём лице. Снова забылась в его присутствии, забыв спрятать подлинные эмоции. Пусть привыкает, если решил, что моя жизнь при нём станет лучше.

- Вы сказали, что я смогу снова лечить. Должна предупредить, что не доучилась несколько курсов, но изучила всю программу самостоятельно. Только боюсь этого будет недостаточно, чтобы меня куда-либо взяли.

- У Николь будет всё, что потребуется, чтобы стало достаточно. - Обыденно и по-царски. Его прозвище ему идёт, полностью отображает суть.

- Зовите меня Ника.

- Это твоё настоящее имя?

- Нет.

- Я могу вернуть тебе твою прежнюю жизнь.

- Нет.

- Сомневаешься в моих возможностях?

- Только в своих.

- Не лучшее качество как для санитарки, так и хирурга.

Перевела взгляд на Клима, упорно делавшего вид, что не случает наш разговор. Затем на Шмеля в отражении стекла, но и он притворялся глухим. Виктор не задавал вопросов, зная, что я не стану отвечать, поэтому затеял своеобразную игру в угадку, которая моментально начала выводить из себя.

- Во-первых, нечего возвращать. Один хороший человек позаботился об этом, за что я всегда буду благодарна. Во-вторых, это невозможно, сами сказали, что не всеильны. Меня прежней больше нет. В-третьих, я этого не хочу. Я похоронила

прошлую жизнь внутри себя и на могилу бросила семена ядовитой травы, чтобы никто и никогда, даже я сама, не смог раскопать её.

- Почему?

- Мне больше не повезёт так, как в прошлый раз.

Татуированный хмыкнул, посмотрев на меня в зеркало заднего вида, если бы он всё знал, вел себя иначе.

- Он жив? - Я знала, о ком он спрашивает. Клим замер на мне взглядом, а Шмель, наоборот, отвёл его в сторону. На Виктора я не смотрела, боялась, что мне не понравится его лицо сейчас. Тон, которым он спросил уже не понравился. Я боялась начать бояться его, мне хотелось, чтобы он как можно дольше оставался человеком, дарящим мне спокойствие.

- Да. - Ответила и засомневалась. У меня и в мыслях не возникло, что за прошедшее время с Кириллом могло что-то произойти. Не искала информации о нём, о чём только что пожалела. Слишком опрометчиво с моей стороны.

Снова задумалась, позволив Виктору изучать моё состояние. Всё-таки иногда лучше притворяться, чтобы не чувствовать на себе его пыливый взгляд. Интересно, а зачем он вообще задал этот вопрос? Моя логика выдала лишь один вариант: Виктор допустил мысль, что я могла убить своего обидчика, и теперь скрываюсь. Всё не так просто, как он надеется.

- Я не желаю ему смерти. - Уточнила на всякий случай, прочитав в глазах Виктора определённое намерение. Этот человек только казался расслабленным. Показуха для меня, чтобы не испугать. На самом деле в своих мыслях он уже прикидывал все расклады развития событий.

- А чего желаешь?

- Чтобы он простил меня.

- Есть за что? - Тон Виктора становился холоднее, а взгляд Клим напряжённее.

– Не знаю. – Ответила, и окончательно закрылась, скрестив руки на груди, сильнее вжавшись в сиденье, отвернувшись к окну.

Больше вопросов не было. Я закрыла глаза, пытаюсь безуспешно уснуть, пока по радио не заиграла знакомая песня, которая и утянула меня в мой кошмар.

Глава 6

Два года назад.

Я пробиралась сквозь толпу танцующих в шумном полумраке клуба пропитанном парами алкоголя. Впервые была в этом месте и очень надеялась, что этот раз станет последним. Хотя трудно от чего-то зарекаться, когда твоя сестра малолетняя идиотка, которой едва стукнуло восемнадцать, и она решила, что ей можно всё, в том числе больше не слушаться меня. Я не противница клубов, но здесь напрягало все и всё. Слишком душно, дымно, мерцающий свет бесил. Посетители отрывались как в последний раз и вели себя неадекватно, по крайней мере мне так казалось. Кто-то пытался утянуть меня на танцпол, кто-то банально облапать. Один ненормальный чуть не влил в меня какую-то сомнительную жидкость, которая моментально оказалась на его лице, вызвав у него дикий хохот. Одна и та же песня играла третий раз подряд, но никто этого будто не замечал. Меня же она страшно бесила, потому что моя сестра слушала именно её целыми днями вот уже две недели. Я обошла клуб вдоль и поперёк, и оставалось лишь одно место, куда просто так не пускали – VIP-зона, находившаяся на втором уровне этого заведения. Подняла взгляд на стеклянную стену наверху, отгораживающую самых мажористых мажоров от мажоров обыкновенных, от пошлости и дурмана, в который они здесь погружаются, оправдывая себя тем, что нужно всё попробовать. Там наверху обитает пошлость другого сорта, без примесей, без сожалений, без границ. Нужно было сразу идти туда, но я понадеялась выловить сестру – большую любительницу танцевать, не встречаясь с её парнем. Внутри всё сопротивлялось решению подняться туда, хотелось забить и поехать домой, одной, и запретить себе думать о благополучии сестры, ведь я не обязана. Только ещё не наступившее чувство вины, как акула кружащее рядом, оставило лишь один путь, где соприкосновения с ним можно избежать, и он вёл наверх.

– Вам сюда нельзя. – Перегородил мне путь шкафоподобный охранник, одетый в чёрные футболку и брюки, параллельно посмотрев на меня как на мусор. Если их специально этому обучают, то за взгляд ему зачёт. Только знал бы он, насколько мне плевать на него и на всех остальных, кроме сестры, которую любым способом нужно увести домой, чтобы к утру она стала похожа на человека.

– Барс и Кисса меня ждут, я её сестра. – Желание увести отсюда сестру пересилило нежелание лицезреть её парня.

Охранник недоверчиво окинул меня взглядом, видок у меня был ещё тот: без косметики, волосы скручены в подобие пучка на макушке, серая свободная футболка, простые джинсы и кроссовки. Я не тусоваться сюда пришла. Моя воля – ноги моей здесь не было. Страх перед начальством сделал своё дело и, переговорив с кем-то по рации, шкаф впустил меня в VIP-зону, где меня встретил его клон, «любезно» попросив следовать за ним. Он проводил меня до дверей какого-то помещения, и молча удалился.

Раздвинув двери, я оказалась внутри просторной, тёмной, застеклённой с одной стороны комнаты, где на диване сидел Барс, а у него на коленях моя сестра в своём любимом блестящем чёрном платье больше похожем на ночнушку. Это платье его подарок, мне назло. Ещё немного и его стараниями сестра станет похожа на проститутку, а я окончательно перекочую в ряды её врагов. Увидев меня, Кисса кинулась ко мне обниматься, ещё не заметив моего настроения. Барс ухмыльнулся в своей обычной манере, наслаждаясь моим появлением в его клубе, в его глазах читалось: «Я же говорил». В своё время я заявила в разговоре с ним, что ни за что не переступлю порог этого заведения. Он тогда дико взбесился от очередного моего отказа на очередное его предложение о свидании. Кисса не понимает, что с ней он просто играет и не знает, что уже несколько недель Барс ко мне подкатывает. Во-первых, потому что не поверит, а во-вторых, потому что именно нашей ссоры он и добивается, усиливая своё влияние на Киссу, надеясь, что я буду просить его бросить мою сестру. Об этом Барс мне прямо сказал, после того как я швырнула в него букетом лилий, когда он подкараулил меня у дома. «Тварь неприступная, умолять будешь, чтобы я тебя трахнул», – прорычал он тогда мне в лицо, крепко прижав к стене у подъезда, а я от испуга слова сказать не могла: всегда, когда сильно пугаюсь, голос пропадает, а Барс всё чаще пугал меня. Его поведение начинало походить на одержимость идеей поиметь именно меня, будто факт моих бесконечных отказов не давал ему спокойно жить, и он решил добиться своего любой ценой. Барс шёл к своей цели, умело и грамотно используя Киссу, которая уже не могла

думать ни о чём, и ни о ком, кроме него. У неё завтра пересдача, а она вместо того, чтобы билеты учить ушла тусить, да ещё и сообщение мне прислала, пригласив присоединиться. Раньше она побоялась бы это сделать, зная, что если я и приеду, то только для того, чтобы увезти её домой, но это было раньше. Готова поспорить Барс её надоумил. Теперь он сидит в расслабленной позе, вольготно раскинув руки по спинке кожаного дивана, и ликует, прожигая меня своими чёрными слегка раскосыми глазами. В своё время я думала, что он принимает, но, к счастью, ошиблась. Убедилась в этом, когда застала его в одном полотенце на бёдрах, выходящим из нашего душа несколько недель назад.

«– А вот и наша сестрёнка. – Барс прижал меня своим влажным татуированным перекачанным телом к стене, как только я зашла в квартиру, и не отпускал, пользуясь моим ступором.

Ванна соседствовала с коридором, и я не заметила, что он стоит за моей спиной, наблюдая как я разуваюсь. Обернувшись, сразу оказавшись в капкане его рук.

Я ожидала от Киссы чего угодно, но не того, что в нашей квартире появится Барс. Это не его уровень, даже несмотря на то, что квартира трёхкомнатная и находится в не самом худшем районе города. Для него, с его запросами, и тем, к чему он привык, наше жильё – конура. От него самого я этого не слышала, но от Киссы в последнее время всё чаще проскальзывало недовольство нашей жизнью. Барс внушил ей, что она достойна большего, других вещей, другого окружения, другого будущего. Я старалась не вмешиваться и так у нас с ней отношения были не очень. Но моё невмешательство и осторожные комментарии, которые должны были разбудить в Киссе здравый смысл, сестра принимала в штыки. Что бы я не пыталась противопоставить его словам и доводам, оседающим на мозгах Киссы, прочно сцепляясь с ними, становилось только хуже. Свою неуправляемость она называла самостоятельностью, упрекая меня во вмешательстве в её личную жизнь, зависти и токсичном поведении. По мнению Киссы, я отравляла ей жизнь. Она неоднократно намекала, что больше не хочет находиться в одном доме со мной, и я морально готовилась, что сестра вот-вот переедет к Барсу, но никак не ожидала, что Барс окажется у нас дома, тем более в таком виде.

До этого дня я с Барсом пересекалась два раза. Первый, когда он ждал Киссу у дома, а я возвращалась из университета. Тогда я попыталась отговорить сестру

ехать с ним, притормозив её на выходе из подъезда. Барс мне сразу не понравился: слишком взрослый, слишком богатый, позволяющий себе всё, что заблагорассудится, в городе у него была плохая слава и сомнительная репутация. Все прекрасно знали, что ни с одной девушкой он не проводит больше одной ночи. Как только Барс получает желаемое – девушка получает отставку. Именно это я и высказала Киссе, которая слышать ничего не хотела. Барс тогда вклинился в наш разговор, услышав его часть или всё, что я говорила, и, посмотрев на меня как на грязь, напомнил, что моя сестра совершеннолетняя, и запрещать ей что-либо я не имею права. И послал... зубрить учебники. Так состоялось наше знакомство, а Кисса впервые не пришла ночевать. Второй раз мы встретились в одном из клубов города. Мы отмечали с друзьями день рождения одноклассника, который заказал для празднования VIP-комнату. Я как раз шла в неё, когда увидела впереди Барса. Он и ещё двое мужчин в сопровождении девушек шли мне навстречу. Я прошла мимо него, не поздоровавшись, но и не делая вид, что не узнала или не заметила, он поступил также. И вот наша третья встреча.

– Должен тебя разочаровать, ты пропустила всё веселье. – Произносил, приблизив ко мне лицо. – Если бы знал раньше, какая заводная и горячая твоя сестра, трахнул бы в первый же вечер, хотя было бы не так пикантно, как в её комнате, где она прожила всю жизнь, с этими милыми куклами и мягкими игрушками на полках, которые будто наблюдали, как я деру их хозяйку во всех позах. А как она отсасывает, м-м-м. Я её научил, хотя она и поломалась для приличия. – Барс приблизил лицо ещё ближе, и я разглядела черноту его глаз. На самом деле они были тёмно-карими, но это можно было рассмотреть лишь вблизи, радужка практически сливалась со зрачком. – Мы и в твоей комнате попробовали, когда наши презервативы закончились. Не думал, что ты такая запасливая. – Я неотрывно смотрела в глаза Барса и не могла понять, чего он добивается. Он продолжал говорить, пока не рассказал, где, сколько раз и в каких позах трахал этой ночью Киссу. Ненавидела его. Я знала, что моя сестра не девочка, знала с кем и когда она лишилась девственности, потому что сама забирала её с вечеринки, где это произошло, и уже дома, усадив в горячую ванну, неловко вытягивала из Киссы подробности, удостоверившись, что мозгов натянуть на парня презерватив у сестры хватило. Вид тогда у неё был потерянный, будто она сожалела. Кисса быстро пришла в себя и парням лишнего не позволяла, пока не появился Барс, заполонивший её разум.

Я не могла говорить, но оттолкнув от себя, отхлестала Барса по щекам. Он не пытался меня остановить, стоял неподвижно, пока я била его. Это была моя ошибка. До этого момента я была для него лишь надоедливой скучной сестрой

его подружки, над которой забавно поглумиться для разнообразия. Когда я остановилась, задыхаясь от накативших эмоций и снова посмотрела ему в глаза, меня прошибло током от его взгляда и отшатнуло к стене. В его глазах больше не было скуки и пренебрежения, которыми он обычно меня одаривал. Своим поступком я его взбесила, вывела из себя. Барс рассматривал меня будто впервые увидел, плавно сокращая расстояние между нами, пока не прижался всем телом. Мне хотелось избавиться от этого контакта, и я упёрлась в его влажную горячую грудь руками, но за спиной была стена, такая же твёрдая, как и он. Дышать становилось всё труднее, казалось, ещё чуть-чуть и захрустят рёбра. Его руки скользнули мне под майку, облапывая везде. Лифчик он просто сдёрнул и начал грубо сминать грудь. Формы у меня были гораздо скромнее чем у Киссы, грудь и до первого размера не доросла, но Барс с каким-то маниакальным наслаждением игрался с ней. В голове набатом гудела мысль, что он сейчас меня поимеет. Да, я буду сопротивляться, драться, кусаться, царапаться, но главного оружия я лишена, голос уже пропал и закричать не смогу. Барс сделал пару толчков, имитирующих половой акт, демонстрируя свой стояк, пристально изучая мою реакцию. Я ни дышать, ни шевелиться не могла, лишь смотреть со жгучей ненавистью и отвращением, намеренно не пытаюсь их скрыть.

Барс резко отстранился и ушёл в зал. Когда вернулся, уже одетый, я всё ещё стояла у стены.

– Кисса тоже долго ломалась. – Произнёс он, последний раз окинув меня взглядом с ног до головы, и наконец ушёл. Только после того, как за ним закрылась дверь, я смогла спокойно вдохнуть. Первым делом зашла в комнату Киссы. Она спала нагая, вся в засосах и синяках от его пальцев, повсюду были разбросаны использованные презервативы. И я понятия не имела, что делать.»

А потом был букет лилий, предложение поехать в клуб и моё осознание того, что хорошо всё это не закончится.

– Ты пришла! – Чуть не оглушила меня Кисса, впервые за несколько лет крепко обнимая. – Идём выпьем. Ты обязательно должна попробовать фирменный коктейль этого клуба. – И бесцеремонно потянула меня за руку в сторону диванов, но я упёрлась.

Рассиживаться с ними я не собиралась, не для этого сюда пришла.

– Кисса! – Повысила тон, моментально испортив ей настроение. Мою руку отпустили и снова смотрели как на врага.

– Что? Нотации мне читать будешь? – Огрызнулась моментально Кисса. Трезвость разума и трезвость тела были на нуле. Радовало лишь то, что не под дурью, этого я за ней ни разу не замечала.

– Ты мне обещала. – Призывала я её совесть. – У тебя пересдача утром. Разумовский не потерпит подобного отношения к его предмету. Тебя отчислят, если ты не пересдашь завтра.

На лице сестры появилась непонятная мне улыбка, чужая и отталкивающая.

– Разумовский не станет расстраивать свою любимицу отчислением её сестры. Все знают про его особое отношение к тебе.

Я посмотрела за спину Киссы, напоровшись на довольный взгляд Барса, который явно наслаждался происходящим.

– Нет никакого особого отношения. – Поздно поняла, что зря начала оправдываться, с Киссой слабость проявлять нельзя. В последнее время она цепляется за любую возможность, позволяющую ей затеять ссору, вывести меня на эмоции.

– Брось, все знают, что ты с ним спишь. – Это Кисса сказала уже громче, будто специально, чтобы Барс слышал. – Весь универ только об этом и говорит. Я понимаю, ты одержима хирургией, но спать с шестидесятипятилетним ради допуска к операциям – перебор. – Говорила, будто перекрикивая музыку, которую здесь практически не было слышно.

– Что за бред?

– Не надо строить из себя невинность. Кто ещё из студентов может похвастаться совместными операциями с Разумовским, а у тебя даже диплома ещё нет, и учиться тебе ещё два года. Так что будь хорошей сестрой, приласкай его так,

чтобы в моей зачётке всё было красиво, постарайся ради любимой сестрёнки.

Пощёчина не заставила себя ждать. И я прекрасно отдавала себе отчёт в действиях и жалеть об этом не собиралась. На щеке Киссы горел след от моей ладони, а в глазах застыли злые слёзы. Я вышла из кабинки, не дожидаясь ответной реакции, не глядя в сторону Барса, который, несомненно, был доволен увиденным. С меня хватит. Киссе восемнадцать, я сделала для неё всё, что смогла. Теперь пусть выкарабкивается сама, поддержка в виде Барса ей в помощь.

Глава 7

Куда делась застенчивая девчушка, которая пряталась за меня, пугаясь незнакомых людей? Где тот котёнок, который ластился ко мне, когда искал защиты от наказания за свои проказы? Где моя сестра, которая забиралась ко мне в кровать каждый раз, когда замерзала или не могла уснуть? Когда мы стали настолько чужими, что она с такой лёгкостью поверила в эти гадкие слухи? Что я сделала не так, вытаскивая нас со дна жизни, на котором мы оказались, оставшись одни? Да, мне пришлось перестать быть мечтательной дурой и повзрослеть, погрузившись в реальность жизни, пока Кисса продолжала пребывать в своём мире, где будущее представляется радужным и безоблачным, где всё легко достаётся и получается. Я ведь не перестала быть её сестрой, просто мне пришлось стать строже и серьёзней, поумнеть и посмотреть на жизнь трезво, откинув фантазии. Я тоже представляла свою жизнь иначе, и мне жаль, что пришлось заставить Киссу учиться на медицинском. Воспользовавшись нашим внешним сходством, я пошла против себя, сдала за неё вступительные экзамены, когда она везде провалилась, надеясь, что она втянется, станет разумнее, даст мне передышку от постоянных закидонов, но видно мы слишком разные.

Плутая в полумраке и непонятной дымке, с трудом нашла туалет и сразу метнулась к раковине, чтобы умыться холодной водой. Теперь понятно, почему на меня все так странно смотрят в университете. Интересно, как давно поползли слухи. Хотя какая теперь разница, имеем, что имеем. Не знаю, чем могла спровоцировать эти сплетни и кому вообще пришло в голову их распускать. Разумовский никогда не выказывал ко мне никакого особого отношения, на

каждом экзамене спрашивал так, что мозг закипал. А то, что мне довелось с ним оперировать было волей случая. Разумовский считал это провидением, не смотря на весь свой атеизм. Посмотрела на себя в зеркало, мне нравится моё отражение, нет налёта юношеской глупости, я вижу будущего нейрохирурга, которому нет дела до пустой болтовни, ни за что не стану ни перед кем оправдываться и выяснять чьи-то идиотские мотивы, не дам повода развивать домыслы, они не получают от меня ожидаемого, у меня есть проблемы посерьёзнее, а именно, неуправляемая сестра и её одержимый парень.

За спиной послышался звук спускаемой воды, и из кабинки вышел мужчина. В зеркале я заметила его пренебрежительный оценивающий взгляд. Он ухмыльнулся и двинулся в мою сторону. Я выключила воду, собираясь уходить, решив, что на эмоциях могла перепутать двери, но обернувшись натолкнулась на мужскую грудь, оказавшись в капкане его рук. Сначала я подумала, что он под чем-то, но взгляд был ясный, зрачки в норме, даже запаха алкоголя не было.

– Хочешь, чтобы я тебя трахнул. – Почему-то не вопрос, а утверждение.

Я никак не успела среагировать. Мужчина рывком сорвал пуговицу на моих джинсах и полез рукой мне в трусы, второй удерживая за шею сзади. Я, наконец придя в себя, начала вырываться, пыталась кричать, но голос не слушался. Он ослабил хватку, и я выдохнула с облегчением, только зря: мужчина одним резким движением стянул мои джинсы вместе с трусами ниже, развернул меня, уложив грудью на столешницу, зафиксировав мои руки на спине так, что я не могла пошевелиться. Я слышала звук расстегиваемого ремня и молнии, а затем почувствовала головку члена, которую он попытался протолкнуть в меня. Я зажалась, как только могла, но это не помогало, он уверенно продвигался внутрь сквозь сопротивление, пока внезапно не замер и вышел, заменив член пальцами.

Закончив свои манипуляции с моим телом, он снова резко развернул меня, и начал пристально всматриваться в лицо, прочно удерживая за затылок.

– Имя! – Потребовал он, но я могла лишь как рыба безмолвно открывать и закрывать рот, задыхаясь.

Не дождавшись от меня ответа, пока я пребывала в ступоре, он вернул моё бельё и джинсы на место, себя тоже привёл в порядок, и крепко схватив за

плечо потащил куда-то, не говоря ни слова. На выходе он замер, рассматривая на двери табличку с обозначением, что это женский туалет и гневно содрал её, то же самое он сделал с табличкой мужского туалета. Пока он вёл меня, я ещё пыталась упираться, но силы были неравны. Мужчина толкнул меня внутрь помещения, похожего на кабинет, демонстративно запер дверь на ключ, и направился в сторону стола, уставленного бутылками с алкоголем, уверенно взял одну из них и, подойдя вплотную, протянул мне. Я нервно замотала головой, не желая ничего пить. Он ухмыльнулся и сделал несколько глотков прямо из горла, не отрывая от меня взгляд, а потом, снова схватив меня за затылок, впился своими губами в мои, вливая в меня обжигающую жидкость. Он не остановился, когда я всё проглотила, продолжив изучать мой рот своим языком, пристально глядя в глаза, пока я, так и не выйдя из ступора, пыталась заставить своё тело пошевелиться. Его остановило только то, что я начала задыхаться. Не так я представляла первый поцелуй. Я вообще его не представляла. Закашлялась, когда он меня отпустил и никак не могла отдышаться. Незнакомец замер взглядом на моём лице, а затем очень плавно поднёс к нему свои руки, чтобы, как оказалось, движением больших пальцев аккуратно вытереть слёзы, которые я не почувствовала на своих щеках. Отстранившись, он неторопливо обошёл стол и сел в кресло, начав что-то делать на компьютере. Я нервно осматривалась по сторонам, уже прекрасно понимая, что если он захочет, то сделает со мной всё что угодно.

– Сядь на диван. – На мгновение оторвался от своего занятия, загибая рукава белоснежной рубашки.

Решила не злить его и выполнила приказ, к тому же ноги еле держали. Прошло минут десять, прежде чем он оторвался от экрана компьютера и перевёл взгляд на меня.

– Как тебя зовут? Попробуй ответить.

– Ника. – Выдавила из себя еле слышно, в горле всё ещё першило.

– Поразительное сходство. Не знай я, что ты старше на два года, решил бы что вы близнецы. За что вlepила пощёчину сестре?

Я перевела взгляд на компьютер, похоже всё это время он просматривал записи, а ещё откуда-то знал, что мы с Киссой сестры.

– В воспитательных целях. – Ответила нехотя, пряча взгляд.

– В туалете я принял тебя за неё. Решил, что она напрашивается, специально поджидает. Какой-то юморист поменял таблички мужского и женского туалетов местами. Если бы не понял, что ты девственница, оттрахал так, что мало не показалось. Так что считай повезло. – Крайне сухо, цинично и обыденно, будто не он только что чуть не изнасиловал меня в туалете.

– Теперь я могу уйти? – Непроизвольно перевела взгляд на карман жилета, куда он убрал ключ от двери.

– Я тебя отвезу.

– Нет. Я сама.

Мой протест ему не понравился, что он продемонстрировал, помотав головой.

– В таком виде не советую. – Кивнул на мои разорванные джинсы.

– Вы выпили.

– Называй меня Ирбис. И тем, в ком побывал мой член, даже частично, можно называть меня на ты. – Не знала куда себя деть от его прямолинейности и взгляда пристального и сурового, замерла еле дыша на его серьёзном лице. Я свободно могла отшить любого ровесника, что делала не раз, но Ирбису навскидку было за тридцать и вёл он себя совсем не так как я привыкла. – Может закончим начатое? Мне понравилось, как у тебя там всё туго и чисто. Можно не здесь. Любое место на твой выбор для первого раза. У тебя наверняка есть фантазия, как это должно произойти. Гарантии, что будет не больно и сразу приятно не дам, но, когда у тебя всё заживёт, мы наверстаем.

Я снова бесполезно оглядела комнату в поисках иллюзорного выхода. Страшно уже не было, но стало не по себе от того, как он говорил, будто на деловой встрече с партнёром, на которого давит своим авторитетом, не угрожает, но даёт понять, что с ним шутки плохи. Послать или отшутиться – не вариант. Молчать тоже как-то глупо, но в голове нет разумных слов.

– У тебя кстати ничего не болит? Крови не было, я вовремя остановился, но ты зажималась. – Давил он. – Я жду ответ.

– Не болит.

– Ты удивительно немногословна для женщины. Хотя, ты ещё не женщина. Кстати, можешь не волноваться, от меня ничего не подцепишь. Я думал, что ты Кисса, а Барс её здоровье проверил. Обычно я не позволяю себе такую роскошь, как трахать без презерватива, чревато. Но ты ведь лучше меня знаешь про нюансы незащищённого секса.

– Я хочу выйти отсюда. – Стало трудно дышать от этого разговора, голова закружилась.

После моих слов он достал что-то из ящика, демонстративно положил на язык белую таблетку и проглотил, не запивая. Я надеялась лишь на одно, что это не наркота.

– Через пятнадцать минут от алкоголя и следа не останется. А пока поговорим. – Ирбис будто позволил себе расслабиться, откинувшись на спинку своего кресла, продолжая нагло рассматривать меня.

– А без разговоров никак?

– Только если заменить на секс, но ты не хочешь. – Сделал многозначительную паузу, показывая взглядом, что ждёт ответ. – Не хочешь? – Будто уточнил на всякий случай.

– Не хочу.

– Твоя сестра вопила бы от счастья предложи я ей такое.

– Значит, в туалете ты собирался её осчастливить?

– Я собирался её оттрахать так, чтобы у неё даже посмотреть в мою сторону желание больше не возникло. Для её же блага, между прочим.

– Как благородно. – Язвительность в голосе скрыть не удалось. Не смотря на всю холодность в отношениях с сестрой, что пять лет назад, что сейчас, меня приводило в ярость любое нелестное слово в её сторону. Наверно это какой-нибудь синдром старшей сестры или желание защитить единственного родного человека на этой планете.

– Мой брат блядства от своей женщины не потерпит. Твоя сестра с огнём играет.

– Дёргает барса за усы. – Вырвалось прежде, чем до меня дошёл весь смысл произнесённых Ирбисом слов, среди которых ключевым было «брат». – Брат? – Уточнила на дурацком автомате шока.

– Не знала? Странно. Сёстры обычно делятся друг с другом информацией о своих парнях, а твоя чересчур болтлива. Я вот, например, знаю где ты учишься и сколько четвёрок в твоей зачётке.

– И сколько? – Зачем-то спросила, наверно надеясь убедиться в недостоверности сказанных им слов. Потому что иначе получается, что не только Ирбис, но и Барс знает всю мою подноготную.

– Было тринадцать. Сейчас после пересдач осталось две, которые ты планируешь исправить к концу года.

– У тебя хорошая память, если ты запомнил такую незначительную деталь как оценки сестры подружки брата.

– Не могу похвастаться подобным. Просто ты настолько бесишь сестру своей правильностью, что она не устаёт повторять какая ты зануда и заучка со своей маниакальной жадой быть лучшей во всём. Ей-то это не светит.

– Не смей!.. Говорить так о моей сестре. Ты ничего о ней не знаешь. Ни о ней, ни обо мне. И оставь свои выводы о нашей семье при себе, они в этой комнате никому не интересны. – Не сдержалась. Осеклась лишь когда выпалила всё до конца, уже ожидая отдачи, которой не последовало. Барс уже схватил бы меня за шею, требуя усмирить свой пыл. Ирбис же остался спокойным, заставляя меня чувствовать себя практически истеричкой. Собственное поведение начинало казаться глупым и невзрослым.

– Похоже текила окончательно развязала тебе язык. Это твой первый алкоголь? –
Высказал далеко неверную догадку. – Шампанское и прочие шипучки не в счёт.

– Нет, не первый.

– А поцелуй? – Этот резкий переход в разговоре моментально напряг меня, пока
Ирбис демонстрировал спокойствие и невозмутимость.

– Пятнадцать минут ещё не прошло?

– Нет. Так первый?

– Обязательно ждать в кабинете? Я хочу на воздух.

Снова стало не по себе. Взгляд Ирбиса поменялся. Кроме заинтересованности в
нём появилась порочность, такая же, как и у его брата. Теперь, зная об их
родстве, я её чётко видела и чувствовала сопутствующее, выработавшееся за
время знакомства с Барсом, отторжение, желание спрятаться, остаться наедине
с самой собой.

– Пойдём, когда ответишь. – В этой фразе был скрыт приказ. Тон Ирбиса ровный
и холодный, пробирающий до дрожи.

– А если не отвечу? – Я не напрашивалась, не дерзила, просто хотела знать, что
он скажет или как поведёт себя. Зачем-то.

– Мы не выйдем из этого кабинета, пока я не получу ответ.

У некоторых людей есть настоящий дар говорить так, что у тебя больше никогда
не возникнет желания усомниться в сказанных ими словах и данных обещаниях.
Мы находились в нескольких метрах друг от друга, но я чувствовала себя
прижатой к стенке, мне даже казалось, что я чувствую его дыхание на своей
коже, запах, и без того пропитавший всё помещение, и жар, исходящий от его
тела. Ни на мгновение не усомнилась, что он готов запереться со мной в этом
кабинете пока не добьётся ответа. Добиваться своего – их общая с братом
семейная черта. И мне стало страшно. Меня прошибло понимание, что Барс не
отступится от своей идеи затащить меня в постель. И выхода из этой ситуации я

не видела.

– Первый. Теперь мы можем идти? – Ответила неохотно, лишь бы выбраться на воздух.

– Пошли.

Перед тем, как выпустить из кабинета, Ирбис накинул на меня серый пиджак, который снял со спинки кресла. Это была его вещь, она пахла им и идеально подходила к серым брюкам и жилету, которые были сейчас на нём. Давно не видела мужчин, носящих костюм тройку. Особенно странно Ирбис смотрелся на фоне местной публики пока вёл меня по бесконечным лестницам и коридорам клуба, периодически прикасаясь то к моей руке, то спине, то плечу, корректируя направление.

Я не хотела садиться в его машину, не хотела, чтобы он меня куда-то вёз, не хотела снова оказаться с ним в замкнутом пространстве. Они с братом не были похожи внешне: Барс жгучий брюнет, с тёмными глазами, резкими чертами лица, а внешность Ирбиса была обманчиво спокойна в своих серых тонах от пепельных волос до приглушённо-серых глаз и будто аристократических чертах лица. А вот телосложение у них было один в один, рост и комплекция полностью совпадали, только мне показалось, что Ирбис не был перекачанным, как брат. И пах он умиротворяюще сочетанием моря и снега. Всё обман. Весь город знает, что братья Барские бескомпромиссны, жёстки, а порой и жестоки в своих решениях, теперь и я это знаю.

Предприняла безуспешную попытку сесть на заднее сиденье, но мне «любезно» открыли переднюю дверь. Моё недовольное лицо вызвало лишь ухмылку Ирбиса, первую за весь вечер, а точнее уже ночь. И снова нет сходства с братом, но и это обман.

Мы сидели в тишине, пока я не услышала знакомый смех. Моя сестра навеселе, повиснув на шее Барса, лезла к нему с поцелуями, которые он равнодушно принимал. В очередной раз задумалась, что она в нём нашла? За ней и раньше ухаживали мажоры, но почему нужно было запасть именно на него, человека от которого веет вседозволенностью и равнодушием. Неужели Кисса приняла похоть за чувства? Или её устраивает такое к себе отношение?

- Зачем она ему? - Спросила Ирбиса, не отрывая взгляда от окна, стёкла были тонированные и можно было, не стесняясь, наблюдать. Может в родном Барсу человеке я найду способ отвадить его от себя и сестры.

- Она не шлюха. Моему брату с ней весело, и она не ломается в постели, открыта для экспериментов. Ваша мама только с тобой проводила беседы о половом воспитании?

- Наша мама не застала тот возраст Киссы, когда с дочерью ведут подобные беседы.

- Очень жаль. Киссе они бы не помешали. У твоей сестры странное имя. - Ирбис не выдал, что ему неудобно от своего неуместного комментария, но я уловила его желание не продолжать неприятную тему.

- Оно означает «сестра близнецов».

- У вас есть ещё сестра?

- Брат - мой близнец. Он родился мёртвым. Ей дали имя в память о нём.

- А твоё имя тоже память о ком-то?

- Моё имя напоминание, что я выжила, а брат - нет. Пятнадцать минут прошли? - Теперь я уходила от неприятной темы, и Ирбис это прекрасно понял.

- Да.

Ирбис довёз меня до дома так больше и не заговорив. Меня это более чем устраивало. Я вообще не люблю разговаривать с людьми, если тема разговора не касается медицины. И с Киссой давно не разговаривала как сестра с сестрой, погрузилась в свой мир, где мне комфортно, всё понятно и просто. Теперь жалею. Нужно было переступить через себя, заставить снова стать подругой, а не домашним тираном, всё запрещающим и ограничивающим её свободу. Теперь она меня ненавидит ещё сильнее, а я совсем ничего не чувствую, ни любви, ни родственной привязанности, причём уже давно. Проявляю заботу на каком-то автомате.

– Оставь себе. – Остановил меня Ирбис, когда я начала стягивать с плеч его пиджак.

– Спасибо. – Не стала спорить и препираться. С ним это бесполезно. Потом найду способ вернуть ему его вещь.

– Минуту. – Произнёс и опасно приблизился, отодвигая край пиджака, чтобы достать из внутреннего кармана серебристую зажигалку, не торопясь отстраниться. – Ласкала себя когда-нибудь? Доводила до оргазма? – Прошептал почти в губы, прекрасно понимая, что мне неприятны подобные вопросы и разговоры, а исходя от него они ещё и вызывали страх до дрожи. Я даже дышать перестала и очнулась лишь от недостатка кислорода, а Ирбис всё это время пристально смотрел мне в глаза.

– Мне пора, отец ждёт. – Не знаю зачем соврала, взгляд его мне не нравился, похоть из него так и не ушла, напоминая о предложении сделать меня женщиной.

– А вот врать мне не надо. – Произнёс чуть отстранившись, но недостаточно, чтобы я перестала чувствовать его дыхание. – Не порти первое впечатление. Я знаю, что вы живёте вдвоём, а ваш отец сбежал в Израиль, как только тебе исполнилось восемнадцать. Финансово он вам не помогает, поэтому ты учишься и работаешь. Твоя сестра болтлива, а когда выпьет её вообще не остановить. Хотя, по её словам, ты раздвинула ноги перед каким-то гениальным стариканом, став позором всего университета. Ты поэтому мне не даёшь, для него себя бережёшь?

– Да! Всё правда. Оплачу своей девственностью протекцию гениального хирурга. Теперь я могу идти или...

Не договорила. Ирбис заткнул мне рот поцелуем, болезненным и удушающим. Я била его руками, но мои удары были ему нипочём, под его костюмом скрывалось каменное тело. Пропустила момент, когда он проник пальцами в мои трусы, орудуя в них будто что-то ища. Ирбис резко отстранился и, приняв нормальное положение, провёл рукой по своим волосам.

– Уходи! – Рыкнул он, сосредоточив взгляд на лобовом стекле, и я поспешила выбраться из машины.

До подъезда бежала со всех ног и отдышалась лишь заперев дверь в квартиру на все замки.

Глава 8

– Добрый день. – На пороге моей квартиры стоял улыбчивый парень в форме одной из курьерских служб. У него в руках был красивый букет из белых и розовых пионов, который он радостно протянул мне вместе с небольшим пакетом. – Это просили передать вам с наилучшими пожеланиями.

По инерции взяла в руки всё, что он принёс, в нос моментально ударил приятный сладкий аромат. Я хотела задать курьеру вопрос не перепутал ли он получателя, но парень быстренько исчез, я бы даже сказала мастерски.

Поставила цветы в вазу и заглянула в пакет. Внутри находилась деревянная лаковая коробка с серебристым логотипом, а внутри были часы серебристого цвета с силуэтом морды барса на циферблате и записка: «Теперь ты всегда будешь знать сколько прошло времени. Ирбис». С нашей встречи прошла неделя и я почти забыла всё, что случилось в тот вечер. Голова была занята Киссой и тем, что после нашего разговора она не появляется ни дома, ни на учёбе и конечно же не отвечает на мои звонки и сообщения. Был верный вариант позвонить Барсу, но подобные порывы я безжалостно давила в себе, смирилась с тем, что пора привыкнуть к новой повзрослевшей сестре. Разумовского уговорила дать ей шанс на пересдачу, и он нехотя дал отсрочку. У него на лице было всё написано, он давно намекал, что не видит в Киссе будущего врача. Зря я надавила на неё с поступлением в медицинский, ей никогда не нравилось, возможно даже к лучшему если её отчислят, может тогда за ум возьмётся, карабкаясь в этой жизни самостоятельно.

Рассмотрев циферблат внимательнее, заметила небольшое окошечко, в котором время шло по-своему. Если я правильно поняла в нём отсчитывалось время, прошедшее с момента нашего знакомства. В них всё было продумано до мелочей: металлический браслет напоминал шкуру снежного барса выбитым на металле рисунком и фактурой, стрелки напоминали усы животного и даже замочек был в форме лапы. Оставлять подарок Ирбиса себе не собиралась, но,

прежде чем вернуть, решила примерить. Часы идеально обогнули запястье, сомкнувшись на нём как влитые. Не смотря на замысловатость, не казались вычурными или вульгарными. Меня смущало одно – то, что означал этот подарок. Извинения? Плата за несостоявшийся секс против моей воли? Компенсация морального ущерба? Или он был приманкой с перспективой на будущее? Его привлекла моя девственность? Тогда напрасно он рассчитывает её купить. Секс у меня будет только с мужем. Это я давно для себя решила, а Ирбис явно не из тех, кто будет ждать первой брачной ночи. Своим принципом я не преследовала никаких особых целей, просто давно поняла, что отвратительно разбираюсь в людях, и мой шанс не напороться на того, кто банально воспользуется мной для своих плотских утех, основан на вероятности встретить человека, готового ждать.

Налюбовавшись на подарок, который собиралась вернуть вместе с пиджаком, попыталась снять с руки, но ничего не получилось, странный механизм не поддавался, будто спаялся прямо у меня на запястье. Я всё перепробовала на что хватило мозгов – часам ничего, а моё запястье натёрто до красных отметин. Так и пришлось идти на смену в больницу в них.

Яркий свет фар моментально ослепил. За ним просматривался силуэт чёрного матового автомобиля. Характерный звук предупреждал о появлении зверя. Первый порыв – ускориться, скорее скрыться в подъезде, только это станет проявлением слабости. Замерла на месте, оценивая обстановку: четыре утра, все спят, в доме не горит ни одного окна, во дворе пустынно. Он подходит ко мне в своей небрежной вальяжной манере, весь в чёрном. В его руках огромный букет из бордовых, почти чёрных лилий, аромат которых заполняет всё вокруг. Это наша четвёртая встреча, но моя спесь поубавилась после третьей. Сразу вспомнила, какими дикими глазами Барс смотрел на меня, прижав к стене обнажённым влажным телом, демонстрируя свою похоть. Внутри неприятно заклокотала тревога. Он остановился в шаге от меня, нас разделял только букет. Смотрит пристально, с интересом, доводя меня до паники.

– Красивая. – Произнёс, облизнувшись, оскалившись в улыбке. – Ты наверняка будешь хороша в постели, у вас это семейное. – По телу прошла первая неприятная ледяная дрожь. – У тебя дикий темперамент, под стать моему. Жаль не заметил сразу. Тебя будет интересно приручать, укрощать, ломать под себя.

– Ничего не будет. – Вытолкнула из себя слова, еле-еле, а глаза Барса будто вспыхнули, стебли из букета захрустели в его руке.

– Пока у меня не будет с тобой, продолжу пользоваться твоей сестрой.

– Это ваши отношения. Меня они не касаются. – Непроизвольно сделала шаг назад, а потом ещё и ещё, оперевшись в стену дома, рядом с дверью в подъезд.

Расстояние между нами не увеличилось. Барс по-прежнему находился слишком близко. Он жёстко взял меня за запястье, больно сжимая, и силой вложил в руку букет, который я крепко прижала к груди, создавая импровизированную преграду между мной и Барсом.

– Я хочу тебя. Могу прямо сейчас, прямо здесь насадить на свой член. Только это не интересно. Пресно. Так можно с любой. С тобой хочется по-другому, чтобы стояла на коленях, отсасывая, и смотрела своим диким непокорным взглядом. Я всегда получаю желаемое.

Цветы снова захрустели, когда Барс сократил расстояние до минимума, всматриваясь в мои глаза.

– Я не опущусь до подобного.

– Верно. Ты падёшь... ради сестры, которую я опущу на самое дно, когда она перестанет меня удовлетворять и надоест. Для начала, дам попользоваться парочке своих друзей, или деловых партнёров. Тебе лучше побыстрее начать соображать, чем рискуешь, отказывая мне.

– Не смей. – Руки сжались в кулаки до хруста, стало противоестественно жарко, внутри бурлила ненависть.

Барс отстранился ровно на один шаг, посмеиваясь и снова облизываясь. Не выдержала, со всей силы хлестнула изрядно потрёпанным букетом по морде Барса, остановив его издевательский смех. Он замер, стиснув челюсти и закрыв глаза, будто усмиряя в себе что-то. Это был идеальный момент, чтобы сбежать. Стоило мне сделать шаг в сторону двери, как я почувствовала на себе крепкую хватку, и удар спины о твёрдую поверхность, шею моментально сдавила рука

очень опасным захватом.

– Тварь неприступная, умолять будешь, чтобы я тебя трахнул. – И дышит мне в лицо жаром, а в глазах пепелище.

Барс сделал резкое движение, будто отшвырнул меня, но я устояла. Под ногами хрустели цветы, которые я даже не помнила, когда выпустила из рук. Подняла взгляд на него, действуя иррационально, попутно проверяя шею. Барс ещё несколько секунд рассматривал меня с непроницаемым лицом, а затем улыбнулся.

– Да, именно такая, как я хотел.

После этих слов он спокойно сел в машину и уехал, а я осела на холодный асфальт, пытаюсь справиться с моментальной слабостью, завладевшей телом.

В голове звенело. Не сразу поняла, что это сигнал вызова медсестры. Моментально пришла в себя, вынырнув из сна в реальность, отряхиваясь от забытых ощущений.

– Ничего себе. – Присвистнула Мила, моя коллега, когда мы переодевались после смены. Сегодня я не была готова на болтовню, чувствовала себя разбитой, только Мила намеренно этого не замечала. Она заканчивала последний курс и мечтала переехать за границу. Её целью было стать пластическим хирургом, никем другим Мила себя не видела.

– Ты о чём? – Всё же уточнила, натягивая джинсы, надеясь, что пустой трёп поможет хоть немного отвлечься.

– О твоих часах. – Кивнула на мою руку, таинственно улыбаясь своей идеальной улыбкой, к сожалению, искусственной – следствие аварии в школьные годы. Мила сама мне как-то рассказала, признавшись, что до сих пор не может привыкнуть.

– Часы как часы, ничего особенного. – Постаралась избежать развития темы, но Мила не угомонилась.

– Разумовский подарил? Или у тебя другой состоятельный ухажёр?

– Разумовский не делает мне никаких подарков, он просто мой преподаватель и наставник. – Эти слова я повторяла раз за разом Миле, подругам, сокурсникам, особо любопытным, сующим нос не в свои дела.

– Значит, ухажёр. – Сделала свои выводы Мила. Я не хотела продолжать эту беседу, устала, двое суток без сна сказывались. – Дашь примерить? – Её глаза горели в предвкушении, только осталось потереть ладошками.

Она так и замерла в одной юбке и лифчике, дожидаясь моего ответа.

– Не могу их снять. Замочек заклинило. – Ответила честно.

– Не хочешь давать так и скажи. Переживу.

Мила отвернулась к шкафу, нервно стаскивая с плечиков блузку.

– Я не вру. Если у тебя получится их с меня снять – они твои.

Я не шутила, надеясь, что азарт Милы и её находчивость помогут мне избавиться от оков. Глаза коллеги загорелись. Сначала аккуратно, а затем нетерпеливо она предприняла безуспешные попытки расстегнуть браслет. Её мыслительный процесс отражался на лице в прищуренных глазах и постоянном покусывании нижней губы.

– М-да. – Констатировала она, устало выдохнув, плюхнувшись на скамейку.

– Я же говорила, заклинило.

– Наивная. – Ухмыльнулась, снова облизнув пухлые губы, это было её привычкой, на которую я так и не привыкла не обращать внимания. Карие глаза пробежались по мне с ног до головы, будто впервые видят. Мила сгребла свои курчавые волосы в хвост и, кивнув мне на руку, с видом учёного пояснила свою реакцию. – Это фирменные часы, стоят кучу денег, скорее всего платиновые. Их делают на заказ и вторых таких ты не найдёшь, поверь, я разбираюсь. Когда такие часы не расстёгиваются, это означает только одно – они не должны

расстёгиваться. Так что, дорогая, ты попала.

- Чёрт. - Устало выдохнула я. Ещё одной проблемой больше.

Пока ехала домой, перерыла весь интернет в поисках информации о часах. Женщина, сидящая рядом со мной в автобусе, странно косилась в мой телефон, где ноли в ценах зашкаливали, недовольно сопя, и прыгая глазами с экрана на моё запястье и обратно. Так и пришлось, натянуть рукав посильнее, пряча проблему в рукаве. Судя по всему, они действительно были платиновыми, о цене старалась вообще не думать, потому что, узнай я её, подарок Ирбиса стал бы для меня ещё большей проблемой. Пока самой большой по-прежнему оставался загул Киссы.

Глава 9

- Слушаю. - Раздался в телефоне деловой, спокойный до трясучки, голос.

- Как их снять?

Я была спокойна. Приветствие пропустила совершенно случайно. Расспросы настигли меня и на работе, даже несмотря на то, что часы я носила циферблатом на внутренней стороне запястья и старалась прятать. Среди моих знакомых оказалось слишком много знатоков дорогих часов. Только доктор Разумовский придерживался деликатного молчания, хотя то и дело посматривал на мою руку. Спустя несколько дней я поняла, что бесполезно скрывать то, о чём все уже перешёптываются, выдвигая между собой версии происхождения дорогого украшения на руке не особо состоятельной девушки.

Не выдержав очередного вопроса с подтекстом одного из врачей, во время перерыва набрала номер, который с трудом нашла. Так как Кисса по-прежнему не появлялась дома, мне пришлось самостоятельно искать способ связаться с Ирбисом. В соцсетях его, конечно же, не было, по крайней мере в друзьях ни у сестры, ни у Барса я его не нашла. О личной встрече и речи быть не могло. Ирбис очень меня напугал тогда, в машине, и я больше не хотела повторять тот опыт. Был стопроцентный вариант поговорить с его братом, но я отмела эту

возможность, не собираясь давать Барсу малейший повод считать меня должной ему. Часы, идеально сидевшие на руке, мешали мне жить, но не своим наличием, а невозможностью их снять. Они всё больше привлекали внимание знакомых. На лицах половины группы появлялись надменные ухмылки, стоило мне попасть в поле зрения. Сплетницы перешёптывались, мысленно ликуя подтверждению своих догадок о моей связи с Разумовским, которая всё больше укоренялась. Как будто ни от кого другого я не могу получить подарок. Ухажёров у меня всегда было достаточно. Только в нашем потоке ко мне подкатывали трое парней, один из которых сын местного олигарха. Почему никто не подумал, что это подарок от него? Неужели всем приятнее мусолить мой как бы роман с Разумовским? И всё это в разгар сессии, когда все особенно на нервах и не в себе. В итоге я не выдержала и начала искать способ связаться с Ирбисом. Ему, как оказалось, принадлежало офисное здание в центре города, но пробиться на телефонный разговор удалось с трудом, потому что по личным вопросам, со слов секретарши, было приказано не соединять. Я психанула и попросила просто передать, что звонила Ника. Меньше минуты прошло, прежде чем я услышала его «слушаю» в ответном звонке.

– Всё очень просто. – Я ждала продолжения, но оно не последовало. В трубке воцарилась непонятная тишина, напрягающая больше, чем его тон.

Всмотрелась в окно в сестринской, из которого отлично просматривались подъезжающие машины скорой помощи. Пока было тихо. И всё равно я выбрала не лучшее время и место для разговора с Ирбисом. Хотя не факт, что набралась бы смелости ещё раз. Наверно, нужно было ещё поискать варианты, возможно нашла бы человека, который знал, как снять с меня часы без их повреждения. Как назло, все как один предлагали разрезать браслет. Один, самый умный, послал меня в Швейцарию, где они были изготовлены. Все эти варианты были отложены про запас. Я убедилась, что от одного телефонного разговора хуже не будет, но он может многое прояснить. Теперь, слушая его еле слышное ровное дыхание в трубке, моя уверенность подсулась, его «просто» прозвучало с нотами подвоха, сложного и продуманного.

– Говори. – Выдохнула в трубку. Мне казалось, что Ирбис наверняка слышит, что дышу я тяжело, и знает, что нервничаю, хотя особого повода для этого нет.

– Только ты должна сделать всё, как я сказал. Обещай.

Никаких обещания я давать не хотела. Усиливалось предчувствие, что со мной ведут игру. Начинало казаться, что он ждал этого звонка, продумав варианты нашего диалога. Хотя нет ничего удивительного в том, что я хочу избавиться от его подарка, подпортившего мне жизнь.

– Иначе что? Они взорвутся? – Не получалось сдерживать раздражение, моя нервная система не успевала подстраиваться под новые стрессы, которых, в последнее время, был перебор, причём процентов на шестьдесят из-за семьи Барских.

– Что с настроением? – Требовательный вопрос, будто я ему должна. Неужели он ждал, что я буду сыпать благодарностями за его щедрость. Удивлён, что мне может что-то не нравится и привык к другому, что ж, сюрприз.

– Нормально всё с моим настроением. Говори, что делать. – Постаралась сдержаться, всё-таки мы с Ирбисом незнакомы. Наше первое общение закончилось моим очередным испугом и окончательно взбесить и этого Барского мне не хотелось.

– Ты не дала обещание.

– Хорошо, обещаю. – Нужно было закругляться, ещё немного и наговорю лишнего.

– Отлично. Было бы здорово, если бы ты на всё так легко соглашалась. – Я сглотнула и притворилась, что не поняла о чём он. Нужно было терпеть, пока не узнаю, как снять часы. – Тебе просто нужно встретиться со мной.

Так и знала. Предсказуемое развитие событий. Банальным его способ добиваться желаемого точно не назовёшь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/lask_elena/v-lapah-irbisa

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)